

ДРЕВНОСТИ ВЕНГЕРСКОГО КРУГА IX–X ВВ. ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА (ПРЕДМЕТЫ ТОРЕВТИКИ И ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ)

СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА РЯБЦЕВА* – РОМАН АРОНОВИЧ РАБИНОВИЧ**

Ключевые слова: *Пруто-Днестровский регион, украшения, поясные наборы, венгерское присутствие, культура Бьело Брдо*

Kulcsszavak: *Prut–Dnyeszter régió, ékszerek, veretes övek, magyar jelenlét, Bijelo Brdo-kultúra*

Светлана Станиславовна Рябцева – Роман Аронович Рабинович

Древности венгерского круга IX–X вв. Пруто-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения)

Данные письменных источников дают возможность делать предположения о роли венгров на территориях от Днестра до Карпат в IX–X вв. В данной статье анализируются наиболее выразительные украшения и другие металлические изделия, которые также могут свидетельствовать о венгерском присутствии в регионе. Некоторые изделия (например, каплевидные подвески, характерные для венгерского женского костюма), вероятно, являются индикаторами присутствия венгерского населения, проживавшего в регионе. Пояс из Слободзейского кургана принадлежал, по всей видимости, именно венгру, захороненному в Приднестровской степи по дороге на новую родину. В Пруто-Днестровском регионе к типичным для венгерских древностей могут быть отнесены изделия со специфической венгерской пальметтой – наконечник ножен сабли (Екимауцы), бляшка (Тарасова). Среди находок, которые могут быть представлены, в том числе и у венгров, присутствуют предметы ременной и сумочной гарнитуры, бубенчики, «салтовские» перстни и серьги. Серьги «волынско-го» типа, а также дротовые и витые браслеты и витые гривны в контексте их находки на одном памятнике (городище Екимауцы) могут рассматриваться как аналогичные комплексам находок культуры Бьело Брдо.

Szvetlana Sztanyiszlavovna Rjabceva – Roman Aronovics Rabinovics

A Prut–Dnyeszter régió 9–10. századi magyar jellegű hagyatéka (A fémművesség és az ötvösművészet tárgyai)

Az írott források adatai lehetővé teszik, hogy hipotéziseket állítsunk fel a magyaroknak a Dnyesztertől a Kárpátokig terjedő területeken a 9–10. században betöltött szerepéről. A szerzők ebben a tanulmányban azokat a legjellegzetesebb díszítményeket és egyéb, fémből készült tárgyakat vizsgálják meg, amelyek szintén arra utalnak, hogy a magyarok egykor ebben a régióban tartózkodtak. Néhány tárgytípus (pl. a magyar női viseletre jellemző csepp alakú csüngő) indikátorként jelezheti az egykor itt élt magyar népességet. A szlobodzejai kurgánból előkerült öv minden valószínűség szerint egy olyan magyar sírjából származik, aki az új haza felé történő vándorlás közben, a Dnyeszter-melléki sztyeppen halt meg és itt temették el. A Prut–Dnyeszter régióból olyan leletek is ismertek, amelyeket a tipikus magyar palmetta motívummal díszítettek. Ilyen pl. az Echimăuți-ből előkerült szablyakoptató és a taraszovai veret. Azon leletek között, melyek a magyaroknál is előfordulhatnak, ismertek továbbá veretes övek és tarsolyok, csörgők, valamint 'szaltovói' típusú fejeggyűrűk és fülbevalók is. Az echimăuți erődített településről előkerült volhíniai típusú fülbevalókat, illetve a huzal- és fonott karpereceket, fonott nyakpereceket ebben a közös leletkontextusban akár a Bijelo Brdo-kultúra leleteinek párhuzamaként is értelmezhetjük.

* Институт культурного наследия АН Молдовы, MD-2029, г. Кишинев, Республика Молдова, ул. Штефан чел Маре, 1, sveta_earing@mail.ru

** Университет «Высшая антропологическая школа» MD-2029, г. Кишинев, Республика Молдова, ул. Йорга, 5, romanesu@mail.ru

Нам уже приходилось отмечать особенности культурно-исторического развития Пруто-Днестровских земель в IX–XI вв., обусловленные географическим положением региона – месте пересечения периферий и влияния соседних культурно-исторических миров. На местное славянское население (носителей древностей лука-райковецкой культуры IX в.) активно воздействовали (иногда в результате непосредственного переселения сюда) балкано-дунайский, западнославянский и, назовем его условно, кочевнический (носители салтово-маяцкой культуры, венгры) культурные миры.¹

На основании анализа данных письменных источников мы можем ставить вопрос о возможной и даже существенной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в период IX–X вв. С 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в., а, особенно на рубеже этих столетий, венгры могли оказывать влияние политического характера на Карпато-Днестровский регион. Возможно, эта территория входила в Ателькузу – место пребывания мадьярских племен накануне обретения родины. Этот факт оказал существенное влияние на взаимоотношения местного населения с соседями – Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Именно венгерский фактор сыграл решающую роль в том, что уличи и тиверцы оказались подчиненными Киевской Руси не ранее середины 30-х гг. X в., хотя попытки овладеть их территорией со стороны Киева предпринимались еще в 885 г.²

Прежде чем рассмотреть различные категории предметов из цветных металлов, найденные в Пруто-Днестровском регионе, о которых можно рассуждать в свете проблемы именно венгерской атрибуции, отметим следующее. Выделение именно венгерских находок является достаточно сложной задачей. Среди кочевнических древностей Восточной Европы IX–X вв. подчас достаточно трудно выделить именно венгерские материалы. Даже те артефакты, кото-

рые, казалось, бесспорно, могут отождествляться с венграми, де-факто могли принадлежать и другим этническим группам. Но эти группы могут обладать схожими материальной культурой и воинской субкультурой. Причем, не обязательна даже их принадлежность к кочевому или полукочевому населению. Оседлое население в зоне контактов широко воспринимало в качестве престижных культурных образцов многие элементы воинской субкультуры, в частности, снаряжения всадника и коня. Кроме того, и венгры, так же, как и другие группы населения Центральной и Восточной Европы, использовали украшения инокультурного – византийского, великоморавского и поствеликоморавского облика.³

На территории Подунавья в ювелирном уборе и наборе предметов, связанных с декорировкой костюма обретших родину венгров, происходит синтез нескольких традиций. Здесь можно выделить ряд основных пластов древностей: «местный» – позднекестхейский (дротовые браслеты и перстни, серьги со спиральной подвеской и др.), «подунайско-византийский» (в том числе и изделия с зернью и литые подражания им); «привнесенные» – собственно венгерский и в широком смысле «восточноевропейский», в первую очередь, «салтоидный».⁴

В Центральной и Юго-Восточной Европе венгерские древности присутствуют в составе так называемой культуры Бьело Брдо. Данное многоэтническое образование представлено в Венгрии, южной и юго-западной Словакии, западной Румынии, северной и северо-западной Сербии (Воеводина и Срем), северной и северо-западной Боснии, северо-восточной Словении, северной Хорватии (регион между Сурой, Савой, Дравой и Дунаем), восточной и юго-восточной Австрии. Время его существования охватывает период со второй половины, второй трети X – до последней четверти XI века, а в отдельных местах до начала XII века.⁵ Это название определяет некую совокупность материалов и используется по тра-

¹ См. РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 2009, 292–304, там же историография; РАБИНОВИЧ 2018.

² РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007, 195–205.

³ LANGÓ–PATAI–HORVÁTH 2015, 367–380.

⁴ HAMPEL 1905; VÁNA 1954, 51–104; ЭРДЕЛИ 1972, 139.

⁵ БАЛИНТ 1979, 97–143; ДЕМО 2009.

диции, так как не предложено альтернативного варианта наименования.⁶ По мнению Э. Галла, можно говорить о специфической венгерской культуре на исходе заключительного этапа обретения родины, среди носителей которой были не только этнические венгры. В частности, он отмечает: «Археологический инвентарь “венгерских завоевателей” не может рассматриваться как отражение этнической специфики. Скорее, речь идет о макрорегиональной культуре, которая характеризовала Карпатский бассейн и не принадлежала населению с гомогенной этнической идентичностью».⁷

В нашей работе мы рассмотрим наиболее выразительные предметы, происходящие с территории Карпато-Днестровских земель, которые могут свидетельствовать как непосредственно о венгерском присутствии, так и о распространении специфической дружинной субкультуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказала влияние венгерская традиция.

Оговоримся сразу, что эти две группы древностей зачастую четко разграничить весьма сложно. Так, наборные пояса, в том числе отра-

жавшие влияние венгерской моды, были весьма популярны у различных этнических объединений на обширной территории от Урала до Балкан. Пояса близкого облика представлены у хазар, венгров, болгар, удмуртов, мари, мордвы, встречаются и в древнерусских памятниках.⁸

В тоже время каплевидные подвески, аналогичные найденным в Карпато-Днестровском регионе в Ханска (Республика Молдова) и Дэнешть-Васлуй (Румынская Молдова), относятся именно к наиболее характерным предметам декорирования женского венгерского костюма⁹ (рис. 2. 59, 63). При этом, считается, что специфичные для костюма женские украшения, как правило, не являлись предметом дальней торговли и могли распространяться только с их носительницами.¹⁰

Для того, чтобы уточнить культурно-историческую принадлежность предметов цветной металлообработки, найденных в Карпато-Днестровском регионе, мы произведем их сравнение с материалами, известными из памятников Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы.

ПРЕДМЕТЫ РЕМЕННОЙ И СУМОЧНОЙ ГАРНИТУРЫ

Рассмотрение вещей, которые могли бы свидетельствовать о венгерском присутствии в Пруто-Днестровском регионе, начнем с поясной и сумочной гарнитуры. На рассматриваемой территории было найдено несколько поясных наборов, а также целый ряд отдельных бляшек и накладок. На восточной ее окраине – на левобережье Днестра, поясной набор найден в раннесредневековом могильнике у г. Слободзея.¹¹ Слободзейский курган служил усыпальницей в различные исторические эпохи, но самой многочисленной группой погребений являются кочевнические захоронения IX в.

Поясной набор был обнаружен в мужском погребении № 18, сопровождавшемся захоронением коня. Поверх берцовых костей захороненного располагались череп и нижние конечности лошади, неподалеку найдены стремяна и остатки уздечки (?). Возле черепа человека размещались одноручный гончарный кувшин, две кольцевидные серебряные позолоченные проволочные серьги и остатки жертвенной пищи (кости овцы). На левой плечевой кости погребенного – пять наконечников стрел, на кисти – крючок для крепления колчана. В области груди были найдены накладки на лук, в поясничной области

⁶ Приносим глубокую благодарность научному сотруднику Института культурного наследия АН Молдовы доктору В. Ярмульскому за помощь в получении издания недоступного в библиотеках Республики Молдова. GIESLER 1981, 4.

⁷ Галл и др. 2011, 229.

⁸ ФОНЯКОВА 1998, 635–641; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996; FETTICH 1937; DIENES 1976, 79–113; СТАНИЛОВ 1993, 152–163; МУРАШЕВА 2000, 75; КАЗАКОВ 2000, 87–99.

⁹ VAÑA 1954, 73, tab. VI; SPINEI 1999, 38.

¹⁰ ПЕТРУХИН, 1983, 174; ГАВРИТУХИН–КАЗАНСКИЙ 2006, 304.

¹¹ ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ТЕЛЬНОВ 2008, 4.

– остатки кожаного ремня с серебряной поясной гарнитурой, с правой стороны – железный нож и кожаный мешочек с железным кресалом и остатками ткани. Сохранился тридцатисантиметровый обрывок ремня шириной 1,7 см. К ремню на расстоянии 1,8 см друг от друга крепились литые прорезные бляшки щитовидной формы с прямым гладким верхним и фестончатым полукруглым краем (13 экз.). В центре бляшек расположен гладкий щиток с фестончатым оформлением и щелевидной прорезью (*рис. 1. 2–7*). К поясу крепились дополнительные кожаные ремешки с аналогичными бляшками с фестончатым краем со всех сторон, но без прорези (14 экз.) (*рис. 1. 8–15; рис 5. 15*). Щиток поясной пряжки декорирован по краю выступами и ложным жемчужником, а в центре – достаточно сложным растительным узором (*рис. 1. 1; рис 5. 14*). Поясная бляшка, по форме близкая к слободзейским, но несколько более грубая и отлитая из бронзы, найдена у села Бучумены (Унгенский р-н Республики Молдова). Вместе с ней обнаружены бронзовый поясной наконечник и перстень «салтовского типа» с крупной вставкой¹² (*рис. 1. 20–21*).

Наиболее близкой аналогией поясному набору из Слободзейского кургана являются детали пояса из кладя Рэдукэнень (Румынская Молдова), который может быть отнесен к IX – первой половине X в.¹³ В кладя находились поясная пряжка и 9 серебряных поясных бляшек листовидной формы (без прорезей), у которых наружный край и контур внутреннего щитка оформлены фестонами, а щиток декорирован углубленным стилизованным узором (*рис. 1. 16–18*). Кроме того, имеется одна бляшка с петелькой (*рис. 1. 19*). В кладя находились достаточно ранние монеты – дирхемы середины VIII в. и начала IX в., а также целая подборка лунниц и гроздевидных украшений (*рис. 2. 21, 27, 52–58*).

Поясные бляшки щитовидной формы с фестончатым краем встречаются достаточно редко (причем их отличительной чертой можно считать именно углубленные относительно поверхности изделия фестоны). Подобный способ оформления краев бляшек известен уже на ряде изделий позднеаварского периода.¹⁴

Бликие аналогии деталям поясного набора из Слободзеи происходят из Больше-Тиганского могильника¹⁵ и случайной находки из коллекции Сатановых, ныне хранящейся в Государственном Историческом Музее.¹⁶ Подобный специфический бордюры представлен на ряде щитков пряжек и поясных накладок с территории Украины, например, Орджоникидзе.¹⁷ По всей видимости, ременные наборы с рассмотренным специфическим декором являются составной частью круга древностей, маркирующих продвижение венгров по территории Восточной Европы.

Известные памятники, связанные с присутствием венгров в Восточной Европе, единичны. По мнению исследователей, археологическим свидетельством пребывания венгров в Волго-Уральском регионе являются материалы Танкеевского и Больше-Тиганского могильников, откуда происходят поясные и уздечные наборы, погребальные маски. Одиночные подкурганые погребения известны в Саратовском и Самарском Поволжье, на юге и западе Украины. Памятники, связываемые с пребыванием венгров на территории Украины, с недавнего времени выделяются в Субботцевский тип, возможно, генетически связанный с караякуповскими древностями Приуралья.¹⁸

По мнению А. В. Комара, венграм принадлежали отдельные подкурганые и бескурганые захоронения второй половины IX века с западной ориентировкой костяков в сопровождении костей и уздечки коня, снаряжения всадника, наборных поясов, гончарной или серебряной посуды (Суббо-

¹² Национальный музей истории Молдовы, акт № 59.

¹³ TEODOR 1980, 403–423.

¹⁴ GALUŠKA 2013, 81–82, obr. 54, 55.

¹⁵ CHALIKOVA–CHALIKOV 1981, 131, Taf. XXIII.

¹⁶ Приносим глубокую благодарность научному сотруднику Института истории Академии наук Венгрии доктору Агтле Тюрку за ценные консультации и помощь с литературой.

¹⁷ ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ 2008, 214.

¹⁸ КОМАР 2011, 21–78.

тица, Манвеловка, Твердохлебы, Бабичи, Нововоронцовка, Коробчино, Катериновка, Дмитровка). Из специфического инвентаря в Манвеловке были найдены лицевые маски, а в Дмитровке лицевые покрытия с нашивками на глаза и рот в виде золотых пластинок. При этом исследователь выделяет целую группу декоративных элементов оформления предметов торевтики, представленную на предметах из этой группы памятников и имеющую продолжение в культуре венгров. А. В. Комар отнес к кругу древностей, маркирующих присутствие венгров на территории Ателькузы, впускные захоронения из Слободзейского кургана, территориально весьма отдаленного от других Субботцевских памятников.¹⁹

В отличие от киевского коллеги, по мнению которого, этот памятник, исследованный на Левобережье Днестра, как бы маркирует западную границу Ателькузы, мы считаем, что о венгерских древностях и венгерском присутствии можно также вести речь применительно к территории Прудо-Днестровского региона.²⁰

В Прудо-Днестровском междуречье был найден еще один набор поясных бляшек на Екимауцком городище (Резинский район, Республика Молдова) в 1951 г. при раскопках богатого комплекса ювелирной мастерской. Оттуда же происходят сердоликовые и пастовые бусы, медные и серебряные украшения, набор кузнечных и ювелирных инструментов, заготовки и отходы производства.²¹ Поясной набор состоит из 40 литых бронзовых сердцевидных бляшек с небольшим выступом, декорированных врезным волотообразным узором (рис. 1. 28–33). Бляшки представлены в двух разновидностях: одни – более широкие, другие – узкие и удлинённые (относятся, соответственно, к типам XXVIII Б1 и 2, по типологии В. В. Мурашовой).²² Узкие наклад-

ки крепились, по всей видимости, на свисающей части пояса острой частью вниз (рис. 1. 31–33; рис. 5. 10–12).

Бляшки, близкие к екимауцким, известны на территории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы и демонстрируют сложение единого стиля в оформлении поясов. Сходные экземпляры происходят из Карош, Хомокмедь, Ладаньбене-Бенепуста и других мест в Венгрии²³ (рис. 1. 37, 38, 40–43). Но наиболее близкие к екимауцким находки известны из Нижнего Подунавья и с Балкан – Пэкуюл луй Соаре (Румыния), Преслава, Надарово, Шуменского округа (Болгария)²⁴ (рис. 1. 48–51). На территории Восточной Европы сходные бляшки, но отличающиеся отсутствием каплевидного выступа и некоторыми графическими дополнениями в орнаменте, найдены в Гнездове, Тимерево и Владимирских курганах, Лядинском, Томниковском могильниках и «Черемисском кладбище».²⁵ Схожие накладки известны как в древнерусских материалах X–XI вв., так и в Прикамье, Волжской Булгарии, у марийцев, черемисов и мордвы²⁶ (рис. 1. 45).

Несколько отличающиеся от других восточноевропейских, бляшки пояса из Екимауц, по всей видимости, могут быть отнесены к изделиям подунайской ремесленной традиции, представленной находками из Венгрии, Румынии и Болгарии. Наибольшую близость к бляшкам Екимауцкого пояса демонстрируют накладки из Пэкуюл луй Соаре (Румыния), Надарова и Пет Могила (Болгария) (рис. 1. 46–51). Причем, находки на территории Болгарии, например, в упомянутом местонахождении из Надарова, не только поясных бляшек, но и шаблонов, другого инструментария для их изготовления, а также бракованных экземпляров, свидетельствует

¹⁹ КОМАР 2011, 65–67; КОМАР 2015, 859–870.

²⁰ РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007, 195–230.

²¹ ФЕДОРОВ 1953, 104–126.

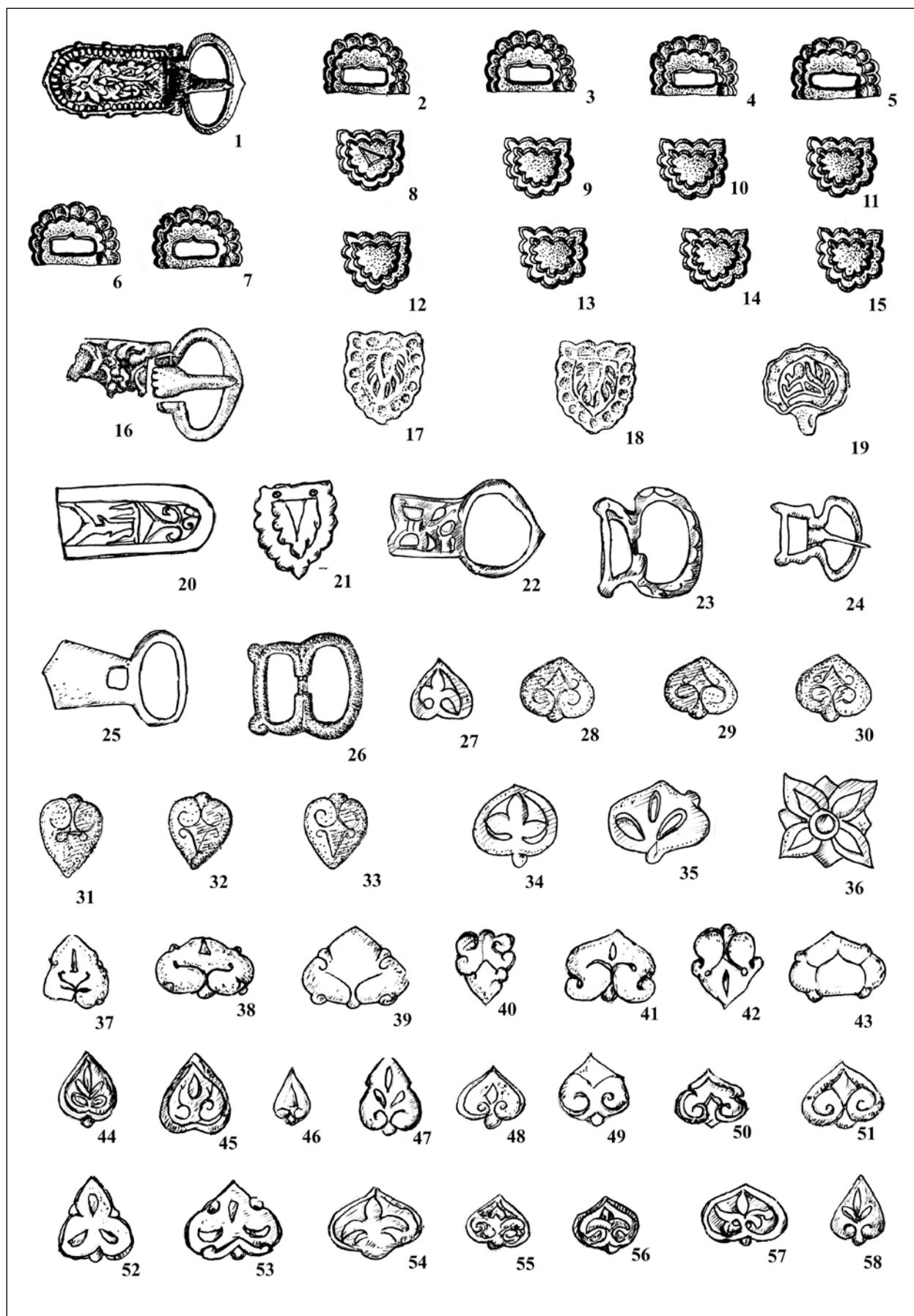
²² МУРАШЕВА 2000, 45.

²³ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 84, fig. 10, 312, fig. 1, 339, fig. 6; FETICH 1937, Taf. XXXV, Taf. LXIV, Taf. CXXX; ISTVÁNOVITS 2003, 505, tab. 3; SZÓKE 1954, 119–139, fig. 6.

²⁴ DIACONU–VILCEANU 1972, 155; DUMITRIU 2001, Taf. 46; ДОНЧЕВА 2004, 212–227; ПЛЕТНЕВ 2004, 228–240; СТАНИЛОВ 1993, 152–163.

²⁵ МУРАШЕВА 2000, 45.

²⁶ FETICH 1937, Taf. XXVII; МУРАШЕВА 2000, 45, 46.

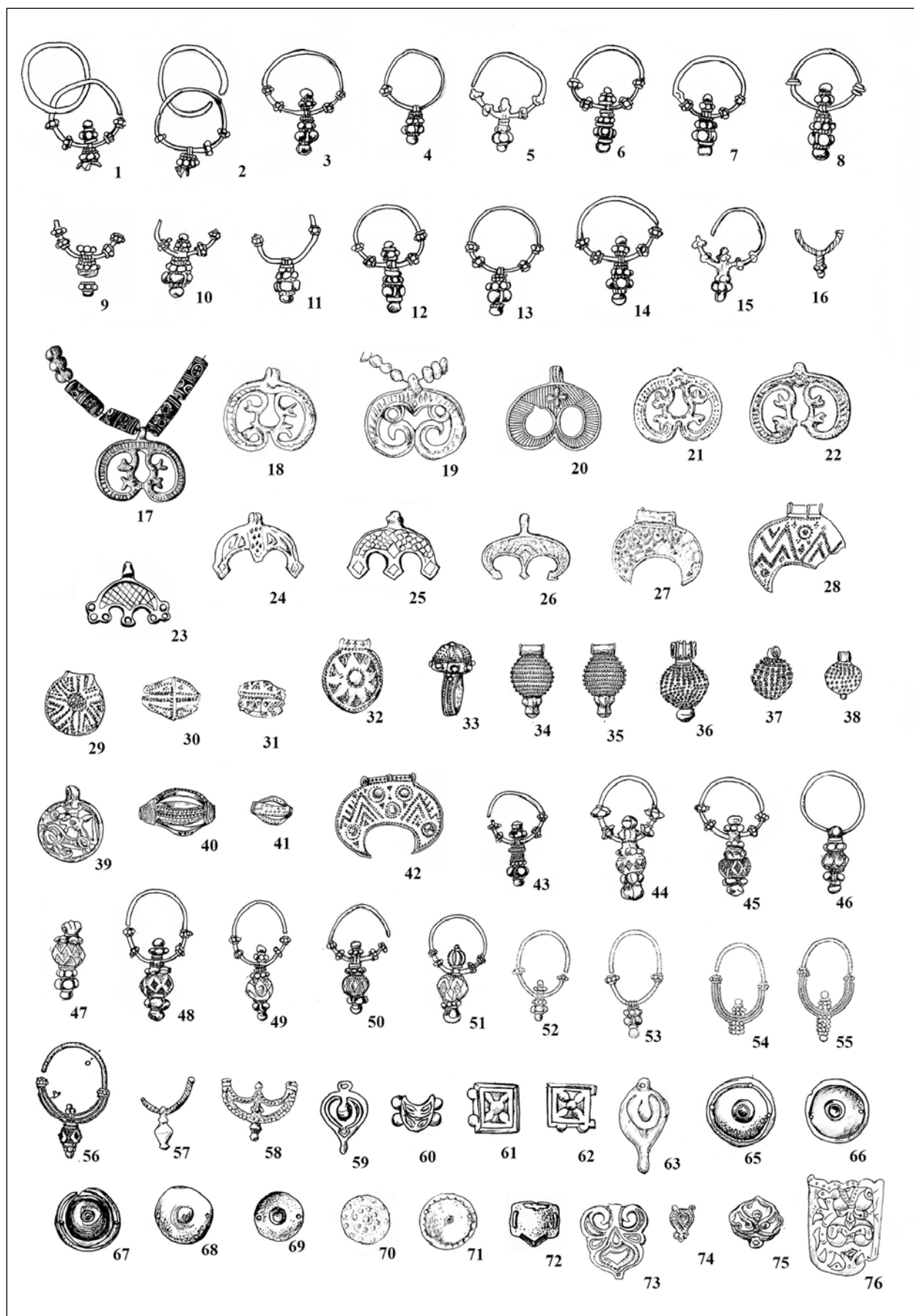

◀ Рис. 1. Детали поясных и сумочных наборов второй половины IX – начала XI вв. Масштабы разные. 1–15: Слободзея (Республика Молдова); 16–19: Рэдукэнь (Румыния); 20–21: Бучулены; 22–36: Екиматуцы (Республика Молдова); 37–38, 40: Хомокмедь (Венгрия); 39, 47: Преслав (Болгария); 41–42: Карош (Венгрия); 43: Ладаньбене-Бенепуста; 44, 46, 51, 55–56, 58: Надарова (Болгария); 45: Гнездо (Россия); 48, 49: Пет могила (Болгария); 50: Пэкуяллуй Соаре (Румыния); 52, 54: Шестовица (Украина); 53: Киев; 57: Надьёс (Венгрия) (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

1. kép. Övdíszek és tarsolyveretek a 9. század második fele és a 11. század eleje közötti időszakból. Különböző méretarányok. 1–15: Szlobodzeja (Moldova); 16–19: Răducăneni (România); 20–21: Bucsuleni; 22–36: Echimăuți (Moldova); 37–38, 40: Homokmégy (Magyarország); 39, 47: Preszlav (Bulgária); 41–42: Karos (Magyarország); 43: Ladánybene-Benepuszt; 44, 46, 51, 55–56, 58: Nadarova (Bulgária); 45: Gnyezdovo (Oroszország); 48, 49: Pet mogila (Bulgária); 50: Păcuilul lui Soare (România); 52, 54: Sesztovica (Ukraina); 53: Kijev; 57: Nagyősz (Magyarország) (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

Рис. 2. Изделия из цветных металлов второй половины IX – начала XI вв. Масштабы разные. 1–16, 22, 26, 28–32, 76: Екиматуцы (Республика Молдова); 17, 20: Чакайовце (Словакия); 18: Прушанки (Чехия); 19: Нитра (Словакия); 21, 27, 52–58: Рэдукэнь (Румыния); 23: Левый Градец (Чехия); 24: Чимбруд (Румыния); 25: Княжся Гора (Украина); 33: Германарие; 34–35: Джурджулешти; 37–51: Алчедар; 59–67, 72: Ханска; 68–69: Лимбарь-Кэпрэрия (Республика Молдова); 70: Добеуш (Румыния); 71, 73–75: Тарасова (Молдова) (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014) ▶

2. kép. Színesfémből készült tárgyak a 9. század második fele és a 11. század eleje közötti időszakból. Különböző méretarányok. 1–16, 22, 26, 28–32, 76: Echimăuți (Moldova); 17, 20: Csekej (Szlovákia); 18: Prušánky (Csehország); 19: Nyitra (Szlovákia); 21, 27, 52–58: Răducăneni (România); 23: Levý Hradec (Csehország); 24: Ciumbrud (România); 25: Knyazsaja Gora (Ukraina); 33: Germanarie (Moldova); 34–35: Giurgiulești; 37–51: Alcedar; 59–67, 72: Hansca; 68–69: Лимбарь-Кэпрэрия; 70: Добеуш (România); 71, 73–75: Tarasova (Moldova) (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

о том, что мы имеем дело со следами функционирования производственного комплекса.²⁷

Помимо набора однотипных бляшек с волотообразным орнаментом на Екимауцах было найдено несколько бляшек с криновидным и листовидным узором, а также геометризованная накладка-розетка, предназначенная для декорирования сумки или кошелька²⁸ (рис. 1. 34–36). Данное изделие имеет широкий круг аналогий в Венгрии, встречаются такие накладки и в Восточной Европе (например, в Чернигове)²⁹ (рис. 4. 3). Миниатюрная бляшка с криновидным узором из Екимауц, вероятно, могла относиться к декору сумки (маленькими бляшками украшали ремешки-застежки) (рис. 1. 11). На городище было найдено несколько пряжек от ременных гарнитур, в том числе миниатюрная, которая могла принадлежать к декору тонкого внутреннего ремешка, служившего для застегивания наборного пояса, или же ремешка, при помощи которого застегивалась сумочка (рис. 1. 22–26; рис. 5. 4–5).

Наборные пояса и сумочки-ташки, а также кошельки зачастую находятся в одних комплексах. Наиболее распространены такие находки на территории Венгрии, но известны и в Восточной Европе. Подобный комплект представлен, например, в кургане Ц–160 Гнездовского некрополя. На погребенном, завернутом в шерстяной плащ, была надета шерстяная рубаха или кафтан с шелковой отделкой, перепоясанная наборным поясом.³⁰ Сохранился кожаный ремень длиной около 168 см, декорированный 66 бляшками трех видов. С правой стороны от погребенного были открыты металлические детали гарнитуры поясной сумочки.³¹ Декор пояса и сумки из Гнездова выполнены в едином стиле, эти вещи могли рассматриваться как комплект. Гнездовская находка дает некоторое представление о том, как мог выглядеть набор из Екимауц.

Поясной набор из Екимауц происходит из контекста славянского поселения конца IX –

начала XI вв., в котором также содержатся вещи, выполненные в венгерской традиции: наконечник ножен и перекрестие сабли, витые гривны и дрововые браслеты, близкие к типичным для памятников культуры Бьело Брдо.³² Принимая во внимание многочисленные аналогии, пояс из Екимауц может быть отнесен ко второй половине X – началу XI вв. По ряду морфологических и декоративных элементов он тяготеет к группе изделий, выполненных мастерами-ювелирами Карпато-Балканского региона.

На поселении у села Тарасова была найдена поясная бляшка листовидной формы, по характеру декора полностью вписывающаяся в круг венгерских древностей (рис. 2. 75). Характерная пальметта, нанесенная на это изделие, встречена в декоре наконечника ножен с городища Екимауцы (рис. 2. 76; рис. 5. 3).

В Пруто-Днестровском междуречье достаточно большое количество деталей наборных ремней, имеющих аналогии, в том числе, в венгерских древностях, было найдено на поселении Ханска (рис. 2. 60–62, 65–67, 72). Три накладки были обнаружены при раскопках жилища № 72, а еще одна в культурном слое, они, возможно, относятся к одному набору. Их объединяет наличие по бокам бляшек полукруглых выступов, а также специфический объемный листовидный декор (рис. 2. 60–62).

Бляшки из Ханска двух типов. Одна бляшка-лунница с выступами с двух сторон и листовидным орнаментом в виде двух пар сопоставленных друг с другом листьев, расположенных друг над другом (рис. 2. 60). Подобные бляшки встречаются в IX–X вв. в Прикамье, Поволжье и на Алтае. Пояс с такими накладками представлен в богатом женском захоронении №7 Больше-Тиганского могильника в Прикамье.³³ В Южно-Уральском регионе пояса с бляшками-лунницами взаимно встречаются с другими предметами, имеющими венгерские аналогии. Среди материалов Хусаи-

²⁷ Плетнев 2004, 238; Бонев–Дончева 2011.

²⁸ Рябцева–Рабинович 2007, 195–230, рис. 1.

²⁹ Тюрк 2013, 225, рис. 4.

³⁰ Щербакова 2010, 82–93.

³¹ Мурашева 2000, 72.

³² Рябцева 2006, 143–168.

³³ Халикова 1976, 169, рис. 10.

динского кургана № 1, датируемых IX в., аналогии в древностях Венгрии X в. находят не только лунницевидные бляшки, но и стремена грушевидной формы с широким плоским ушком.³⁴ Бляшками-лунницами украшены кожаные ремешки и остатки погребального покрывала, обнаруженного в богатом мужском, предположительно, венгерском, погребении у с. Субботица на Ингуле. Всего в этом захоронении было найдено 59 небольших бронзовых позолоченных бляшечек. В расположенном неподалеку женском погребении бляшки сходной формы, но несколько более крупные и совершенно гладкие, использованы для декорирования конской сбруи.³⁵

В Венгрии такие бляшки происходят из могильников Тисаэзлар-Басхалом и Бана, где датируются IX – началом X вв.³⁶ В Басхалом подобными бляшками был декорирован свисающий вниз конец ремня.³⁷ В Болгарии аналогичные бляшки происходят из Дебрене Добричского округа. Здесь были найдены 21 отдельная бляшка и пояс с двумя ремнями, украшенными сердцевидными бляшками с листовидным узором.³⁸ Гладкие бляшки без листовидных мотивов известны из коллекции Исторического музея г. Шумена, из с. Окрош, Преславца, Пет Могила Варненского округа. Болгарские находки датируются в пределах IX – середины XI в.³⁹ Причем, В. Йотов связывает появление лунницевидных бляшек на территории Болгарии с венгерским влиянием.⁴⁰

Кроме того, на поселении Ханска были найдены квадратные бляшки с выступами с одной стороны (рис. 2. 61, 62). Они декорированы выпуклым орнаментом в виде четырехлепестковой

розетки, весьма характерным для произведений венгерской торевтики. В Венгрии круглые и многоугольные бляшки с трех- и четырехлепестковой розеткой многочисленны, происходят из Бекешчаба, Карош II, Артанд-Надьфаркашдомб, Хенцида, Будапешта и других мест.⁴¹ Как правило, эти накладки принадлежат к декору конской сбруи. Венгерские находки датируются в пределах X в., восточноевропейские – не позднее середины X в.⁴²

Поясные пряжки, находимые на территории Карпато-Днестровского региона, делятся на две группы: щитковые и бесщитковые. К находкам, которые могли принадлежать, в том числе, и к наборным поясам, относятся целая серия пряжек с Екимауц и бронзовая лировидная пряжка из Ханска-Кэпрэрия⁴³ (рис. 1. 22–26; рис. 5. 4–5). Образцы щитковых пряжек с пятиугольным щитком из раннеболгарских и хазарских древностей относятся в основном к VIII–IX вв.⁴⁴ В Подунавье подобные пряжки распространены в конце IX–XI вв. Характерны изделия с гладкими или орнаментированными щитками, в том числе, и для венгерских памятников (Карош I, Ракамаз, Кенезлё, Башхалом).⁴⁵ Встречаются они в Болгарии (Преслав, Разградский окр.) и Румынской Добрудже (крепостях Исакача и Пэкуюл луй Соаре).⁴⁶ Лировидные пряжки – один из наиболее распространенных типов поясных застежек X–XI вв., как в Восточной, так и Юго-Восточной и Центральной Европе. Встречаются такие застежки также в венгерских древностях.⁴⁷ В Болгарии лировидные пряжки известны в Преславе, Кюлевче,⁴⁸ в Румынии – в Тыргшоре, Диногеции, Пэкуюл луй Соаре, Исакаче.⁴⁹

³⁴ МАЖИТОВ 1977, 22, 27, рис. 3.

³⁵ БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 103, рис. 1. 4.

³⁶ KISS–BARTHA 1970, 224, fig. 5. 8.

³⁷ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 186, fig. 1.

³⁸ ЙОТОВ 1993, 124, табл. II.

³⁹ СТАНИЛОВ 1993, 152, 157, обр. 2.

⁴⁰ ЙОТОВ 1993, 123, 128.

⁴¹ RÉVÉSZ 1994, 308–359; RÉVÉSZ 1997, 422, 423, Abb. 3. 4; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 98, 170, 213, 214, 235, 304, 404.

⁴² ХАЛИКОВА 1972, 163; ИЗМАЙЛОВ 2000, 70–86; КАЗАКОВ 1972, 163; АМБРОСИАНИ–АНДРОЩУК 2006, 5.

⁴³ TENTIUS 1996, 257, fig. 14. 28.

⁴⁴ КОВАЛЕВСКАЯ 1979, 37; ХАЛИКОВА 1976, 163.

⁴⁵ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 118, 123, 156, 187.

⁴⁶ СТАНИЛОВ 1995, 112, обр. 2; ДОНЧЕВА 2004, 212; DIACONU–VILCEANU 1972.

⁴⁷ RÉVÉSZ 1987, 257–285.

⁴⁸ СТАНИЛОВ 1995, 111.

⁴⁹ DINOGETIA 1967, 295, fig. 173; TEODOR 1981, 109; DUMITRIU 2001, Taf. 68, Taf. 72, Taf. 84; DIACONU–VILCEANU 1972, 155.

ДЕТАЛИ ДЕКОРИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

К предметам, которые могли появиться, в том числе, и под венгерским влиянием, относятся круглые полусферические нашивки и накладки, найденные при раскопках археологического комплекса у с. Ханска (поселение Ханска, могильники Кэпрэрия и Лимбарь) (рис. 2. 65–67). На венгерские аналоги этим бляшкам указывал в свое время исследователь памятника И. Г. Хынку.⁵⁰ Подобные бляшки происходят из Старого Орхея (СО-245, инв. № 266) и Тарасова⁵¹ (рис. 2. 71). Такие же изделия известны из Дэнешть, Добешть и Молешть в Румынии⁵² (рис. 2. 70). Целые подборки аналогичных бляшек, в том числе накладки и нашивки, происходят из крепостей Диногеция и Пэкуюл луй Соаре на Дунае, находят подобные изделия и на территории Болгарии (Преслав, Плиска, крепость Скала, с. Окорош и др.).⁵³

Многие виды предметов из цветных металлов характеризуются полифункциональностью своего назначения. В венгерских древностях выпуклые круглые бляшки использовали и для декорирования костюма (рис. 4. 4), и для украшения конской сбруи. Однако система креплений и размеры изделий в этих случаях отличались. Например, целая серия круглых выпуклых ременных бляшек с каймой и жемчужником по краю происходит из погребения №1 в Бане; подобные бляшки входят в состав уздечной гарнитуры из Кишкунфеледьхаза.⁵⁴ Круглые одежные бляшки были найдены в погребении 207 в Пюшпёкладань-Оперьешвёлдь, круглые обувные бляшки происходят из Буй-Дьептелек, Чонград-Вендельхалом, Кечкемет, Ракамаз-Дьепифёльд, Секешфехервар, Сентеш, Хенцида, Чонград.⁵⁵

Встречаются подобные бляшки и на территории Восточной Европы. В качестве деталей декора одежды или пояса подобные накладки использованы в костюме погребенного в одном из Гнездовских курганов.⁵⁶ Сходные литые бляшки принадлежат к комплексу декора конской узды, найденной, предположительно, в захоронении X – начала XI вв. у с. Котовка Екатеринославской губернии.⁵⁷ Целая серия круглых бляшечек для декорирования обуви происходит из женского, по всей видимости, венгерского захоронения в Судовой Вишне Украины.⁵⁸

На поселении у села Тарасова была обнаружена ажурная серебряная криновидная накладка без следов крепежа (рис. 2. 73). Практически идентичная, но несколько более грубо выполненная бронзовая криновидная накладка, происходит из крепости Диногеция на Дунае.⁵⁹ Среди материалов Диногеции и в целом Карпато-Дунайского региона эта накладка была уникальна. Авторы публикации связали ее появление, равно как и большинство ременных украшений из этого памятника, с древностями печенегов.⁶⁰ В тоже время форма и декор у накладок из Тарасова и Диногеции близки к представленным на бляшке, найденной в Венгрии, в захоронении, открытом между Береттёуифалу и Фёльдеш.⁶¹ Однако у венгерской бляшки нет элемента ажурности, она более объемная и тщательно проработана резцом. Возможно, находки с территории Молдовы, Румынии и Венгрии объединены общностью прототипов.

Одной из наиболее специфических черт венгерского женского костюма X – первой половины XI вв. являются каплевидные подвески.

⁵⁰ ХЫНКУ 1965.

⁵¹ РЯБЦЕВА–ЧОКАНУ 2009, 166, рис. 1.

⁵² TEODOR 1968, fig. 25; TEODOR 1985, 64, fig. 10. 21; SPINEI 1994, 440, fig. 6. 10.

⁵³ DINOGEȚIA 1967, 293, fig. 172; ТОТЕВ 1976, 52; ДИМИТРОВ 1995, 61.

⁵⁴ KISS–BARTHA 1970, pl. XXV, 23–39; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 3.

⁵⁵ CSALLÁNY 1979, 284–294, Abb. 17–30; БАЛИНТ 1979, 117; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 143, 245, 306.

⁵⁶ КИРПИЧНИКОВ 1973, 22, рис. 7.

⁵⁷ КИРПИЧНИКОВ 1973, 28, табл. X. 2.

⁵⁸ РАТИЧ 1971, 162–168.

⁵⁹ DINOGEȚIA 1967, 297, Fig. 171/7; DIN ISTORIA 1971, 309, fig. 105. 9.

⁶⁰ DINOGEȚIA 1967, 297.

⁶¹ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 35, fig. 9–11.

На территории Пруто-Днестровского региона литая подвеска с шариком-утолщением в центре была найдена в 1974 г. при раскопках поселения Ханска (инв. № 39). Сходные подвески известны из Дэнешть-Васлуй, Диногоции, Тимишоары, Лападяу Ноу (Румыния)⁶² (рис. 2. 59, 63). На территории Трансильвании находят целые серии украшений с каплевидными подвесками. Изделия состоят из круглых накладок с выпуклостью в центре и каплевидных подвесок. Набор из 11 бронзовых подвесок происходит из Молдовенешть, а из восьми подвесок – из Арада⁶³ (рис. 4. 1). В данном случае мы имеем дело не с отдельными находками, а с погребальным инвентарем захоронений, относимых к кругу венгерских памятников.

В венгерских древностях каплевидные и листовидные подвески являются очень частыми находками, они происходят, например, из Чонград, Кечкемет, Демкохедь, Тольна Санто, Демкохеть I, Детта, Каба, Марошхедь, Ухть, Токайского клада, Банкеч, Сегед, Секешфехервар, Ракамаз, Буй, Будапешта и других мест.⁶⁴ Представлены подобные изделия и в материалах середины X – начала XI вв. в Воеводине, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Далмации, Австрии, Словакии (рис. 4. 2).⁶⁵

Каплевидные подвески входили в состав ожерелий или служили для украшения разнообразных накладок: ромбических, листовидных, круглых, розетковидных, подпрямоугольных. Подобными накладками декорировали головные

венчики, воротники и нагрудную часть одежды, пояса, украшения кос.⁶⁶ В системе декора ворота женского одеяния иногда прослеживается два ряда накладок. Возможно, накладки без подвесок располагались в затылочной части одежды, а в нагрудной крепились изделия с разнообразными вариантами цельных или ажурных листовидных подвесок. Подвески зачастую декорировались литыми изображениями крина или розетки.

Крестопорезные бубенчики были найдены в Пруто-Днестровском регионе на ряде памятников: в Бранештском могильнике, на городище Екимауцы,⁶⁷ поселении Тарасова⁶⁸ (рис. 3. 3; рис. 5, 7–8). В Карпато-Балканском регионе серии таких бубенчиков происходят из Бырлада,⁶⁹ Диногоции,⁷⁰ Пэкуюл луй Соаре,⁷¹ Чулници.⁷²

Аналогичные бубенчики на территории Древней Руси представлены в Приладожских курганах с сожжениями и во владимирских курганах X–XI вв.⁷³ Среди бубенчиков, найденных в Новгороде, этот тип наиболее древний. В слоях середины X – середины XII вв. было обнаружено 22 экземпляра подобных изделий.⁷⁴ Крестопорезные бубенчики X–XI вв., как правило, служили предметом декорирования костюма.⁷⁵ Однако, в ряде комплексов того же времени бубенчики входили в состав убора коня (например, Котовка, Исаева, Подболотье, Чернигов, Гороховатка).⁷⁶

Возможно, часть крестопорезных бубенчиков, находимых в Карпато-Днестровском регионе, также относится к предметам декора конской

⁶² DUMITRIU 2001, Taf. 58, Taf. 68; Teodor 1985, 64, fig. 10. 13; RADULESCU-GÁLL 2001, 163, Abb. 8; PINTÉR-DRAGOĂ-ȚIPLIC 2006, 139, pl. XVII.

⁶³ POPESCU 1970, cat. 59; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 301; DEMO 1983, 286; OȚA ET AL. 2006, 105.

⁶⁴ VÁNA 1954, tab. VI; CSALLÁNY 1979, Taf. XXXVI, Taf. XXXVIII; БАЛИНТ 1979, 117; SPINEI 1999, 38, fig. 6; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 143, 146, 167, 242, 249, 251, 263; GIESLER 1981, 90, Abb. 13.

⁶⁵ DEMO 1983, 275–293; RADIČEVIĆ-ŠPENAR 2015, 150, fig. 6.

⁶⁶ ХАЛИКОВА 1976а, 147; LANGÓ-TÜRK 2003, 7–19.

⁶⁷ Кишинев, Музей истории Молдовы инв. №МА 1183/478, 479-С.

⁶⁸ ФЕДОРОВ-ЧЕБОТАРЕНКО-ВЕЛИКАНОВА 1984, 19, рис. 8; РЯБЦЕВА 2005, 168, 158, рис. 5- 4; РЯБЦЕВА-ЧОКАНУ 2009, 166.

⁶⁹ TEODOR 1978, 40, fig. 42. 24–28; SPINEI 1994, 458, fig. 24. 7–10.

⁷⁰ DUMITRIU 2001, Taf. 57.

⁷¹ DIACONU-VILCEANU 1972, 140, fig. 56. 1.

⁷² IONIȚA 2005, 195, fig. 23.

⁷³ МАЛЬМ-ФЕХНЕР 1967, 133, 134.

⁷⁴ СЕДОВА 1981, 156, рис. 62. 1–5.

⁷⁵ МАЛЬМ-ФЕХНЕР 1967, 133, 134.

⁷⁶ КИРПИЧНИКОВ 1973, 28.

узды. В частности, в могильнике Чиулници они были обнаружены в погребении с конем.⁷⁷ На территории Молдовы подобные бубенчики в качестве элемента декора конской сбруи были найдены в погребении № 9 одного из «Быковских курганов». В кургане же у с Зернешты подобный бубенчик был найден у руки погребенного.⁷⁸ Однако и в последнем случае захоронение также сопровождалось останками коня. Данные погребения принадлежали кочевникам. В захоронениях культуры Бьело Брдо находки крестопрорезных бубенчиков также не редкость. Они происходят из Бьело Брдо, Вуковар, Велики Буковак, Птуй, а также из других памятников Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины.⁷⁹ В могильнике Вуковар, где было найдено семь экземпляров бубенчиков, документировано их использование в качестве подвесок к ожерельям и деталей декорирования одежды.

Витая гривна была найдена в одном из трупосожжений Алчедарского курганного могильника конца IX – первой половины X вв. На Екимауцком городище бронзовые гривны представлены шестью экземплярами витых из трех дровот украшений с петельками на концах. Кроме того, было найдено две дровотые гривны с замкнутыми концами⁸⁰ (рис. 3. 7). Одна находка дровотой витой гривны с петлями на концах была сделана в культурном слое Бранештского могильника.⁸¹

Подобные украшения характерны для древнерусских памятников X–XI вв.⁸² Кроме того, такие гривны типичны для материалов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и для регионов, входивших в зону распространения Бьело Брдо. Их находят в Венгрии, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Словакии, Румынии

(Кискемет, Каба, Бьело Брдо, Птуй, Вуковар, Нитра, Алба Юлия, Орадя, Молдовенешть и др.).⁸³

Бронзовый дровотый браслет с несомкнутыми концами найден в Алчедарском некрополе. Браслеты, находимые на Екимауцком городище, представлены несколькими типами. Известно семь экземпляров простых дровотых браслетов со слегка суженными концами, в ряде случаев, украшенных нарезкой. Подобные украшения характерны для древностей Восточной Европы X–XIV вв. Одним экземпляром на Екимауцах представлен бронзовый витой из трех дровот браслет. Концы браслета вплетены друг в друга. Витые браслеты распространяются на территории Восточной Европы несколько позже, чем дровотые, с начала XI в.⁸⁴ (рис. 3. 8–10; рис. 5. 16–19).

Также как и в случае с гривнами, типы браслетов, аналогичные найденным в Алчедаре и Екимауцах, представлены в Центральной и Юго-Восточной Европе в древностях, связанных с культурой Бьело Брдо: Вац-Хеткаполна (Vác-Hétkápolna), Сэкешфехэрвар-Демкохедь (Székesfehérvár-Demkóhegy) (Венгрия), Варшанд (Várşand, Румыния), Вуковар (Vukovar, Хорватия).⁸⁵ Зачастую подобные браслеты взаимно встречаются с упомянутыми витыми гривнами, а в контексте памятников культуры Бьело Брдо и с типичными вещами венгерского круга (например, с каплевидными подвесками в захоронении 32 могильника Вуковар-Лиева Бара).⁸⁶

В 1951 г. на Екимауцком городище был обнаружен фрагмент бронзового дровотого браслета, оканчивающегося рельефным изображением змеиной головки⁸⁷ (рис. 3. 6). В Карпато-Дунайском регионе змеиноголовый браслет

⁷⁷ ИОНЦА 2005, 123, 124.

⁷⁸ КЕТРАРУ 1969, 51.

⁷⁹ VAŃA 1954, 71, tab. V. 48–52; DEMO 2009, 483.

⁸⁰ Кишинев, Музей истории Молдовы, инв. № КП 1183/345–350.

⁸¹ ФЕДОРОВ–ЧЕБОТАРЕНКО–ВЕЛИКАНОВА 1984, 49, 50.

⁸² ФЕХНЕР 1967, 70–71.

⁸³ VAŃA 1954, 57, tab. I. 1–2; ČAPLOVIĆ 1954, 46, tab. XII. 1; DEMO 2009, 33, 53, 151, 165, 198, 268, 287, 303, 309, 327, 347, 349, 371, 375, 376, 377, 379, 385; ОТА ET AL. 2006, 104, 106.

⁸⁴ СЕДОВА 1981, 94–95.

⁸⁵ НАМРЕЛ 1905, 610, no. 2, pl. 411. 2; VAŃA 1954, 57, pl. I. 6, 65; DEMO 2009, 53, 61, 131, 165, 327, 359; ОТА ET AL. 2006, 117–120.

⁸⁶ DEMO 2009, 53.

⁸⁷ Кишинев, Музей истории Молдовы 0/7485–227.

представлен, например, на городище Диногетия.⁸⁸ Находят змеиноголовые украшения на территории Сербии, Болгарии, Венгрии, Македонии.⁸⁹ Сочетание витой гривны, дровяного и змеиноконечного браслетов демонстрируют материалы того же могильника Вуковар в Хорватии.⁹⁰ В целом, змеиноголовые браслеты – это один из характерных типов украшений культуры Бьело Брдо,⁹¹ датирующийся в пределах 970–1050/1060 гг.

Наиболее распространенным типом браслетов, представленных в Бранештском могильнике, являются простые бронзовые украшения, выкованные из квадратного в сечении дрота с несомкнутыми заостренными концами (две находки в культурном слое и одна в погребении 43 и две – в могиле 74). Кроме того, в погребении 40 был найден бронзовый петлеконечный браслет, свитый из сложенной в три раза проволоки. Оба эти типа браслетов широко представлены как у восточных, так и у южных и западных славян. Подобные браслеты являются практически обязательной находкой во всех некрополях Болгарии X–XIII вв.⁹²

Бронзовые перстни салтовского типа со стеклянными вставками были найдены на Екиманском городище (4 экз.)⁹³ (рис. 3. 1б; рис. 5. б). Аналогичные перстни происходят и с городища Алчедар, один подобный перстень был найден в кочевническом погребении у с. Бучумены (Унгенский район Республики Молдова) (Кишинев, Музей истории Молдовы, акт № 59).⁹⁴ Сходные перстни есть и в кладе Рэдукэнень из Румынии⁹⁵ (рис. 3. 1з) и на городище Глинжены в Республике Молдова.⁹⁶

Перстни салтовского типа достаточно многочисленны, их находки характерны для памят-

ников, связанных с древностями хазар, болгар, венгров. Кроме простых бронзовых перстней со стеклянными вставками встречаются и роскошные серебряные украшения с полудрагоценными камнями (аметист, сердолик) и врезными благопожелательными арабскими надписями. Подобный роскошный перстень, передававшийся, по всей видимости, в качестве реликвии более столетия, был найден в захоронении венгерского короля Белы III (1172–1196).⁹⁷

Салтовские перстни с цветными вставками относятся к двум типам из пяти по классификации перстней С. А. Плетневой: к первому – с жуковиной, укрепленной крестообразно расположенными лапками, и третьему, у которого вставка фиксирована в отверстие, отлитое в дужке перстня.⁹⁸ Перстни с лапками по наблюдениям исследовательницы относятся в основном к первому периоду салтовской культуры по ее классификации, датированной в пределах конца VIII – первой половины IX вв. Для памятников середины – второй половины IX века характерны перстни третьего типа по С. А. Плетневой. Кроме регионов Подонья, Предкавказья и степи представлены они в Поволжье и Приуралье. Подобные украшения найдены в контексте болгарских и угорских могильников Прикамско-Уральского региона: Больше-Тиганском могильнике – погребения № 20 и № 28, могильнике Танкеевка – погребение № 999 (литой перстень с четырьмя лапками и каменной вставкой с надписью «Во имя Аллаха»).⁹⁹ В целом, датировка этих украшений не ограничивается IX в., они известны и из комплексов X века. Эти перстни являются одним из немногих типов салтовских украшений, которые получили распространение на Руси и в Северной Европе.

⁸⁸ DINOGETIA 1967, 291, fig. 172. 10.

⁸⁹ ГАТЕВ 1977, 39–40; СТАНЧЕВ–ЧАНГОВА–ПЕТКОВ 1961, 37, рис. 5. 1; МАНЕВА 1992, таб. 49–51.

⁹⁰ ДЕМО 2009, 371, fig. 42.

⁹¹ GIESLER 1981, pl. 52–53.

⁹² СТАНЧЕВ–ЧАНГОВА–ПЕТКОВА 1961, 38.

⁹³ Кишинев, Музей истории Молдовы, инв. № МА–КП–1183/370–373.

⁹⁴ РЯБЦЕВА 2006, 143–168.

⁹⁵ TEODOR 1980, 403–423.

⁹⁶ ГОЛЬЦЕВА–КАШУБА 1995, 59, табл. СХХVII. 2, табл. СХХХIII. 1.

⁹⁷ DEÉR 1966, fig. 52–54.

⁹⁸ ПЛЕТНЕВА 1967, 137–140.

⁹⁹ КАЗАКОВ 1985, 178–185, рис. 3.

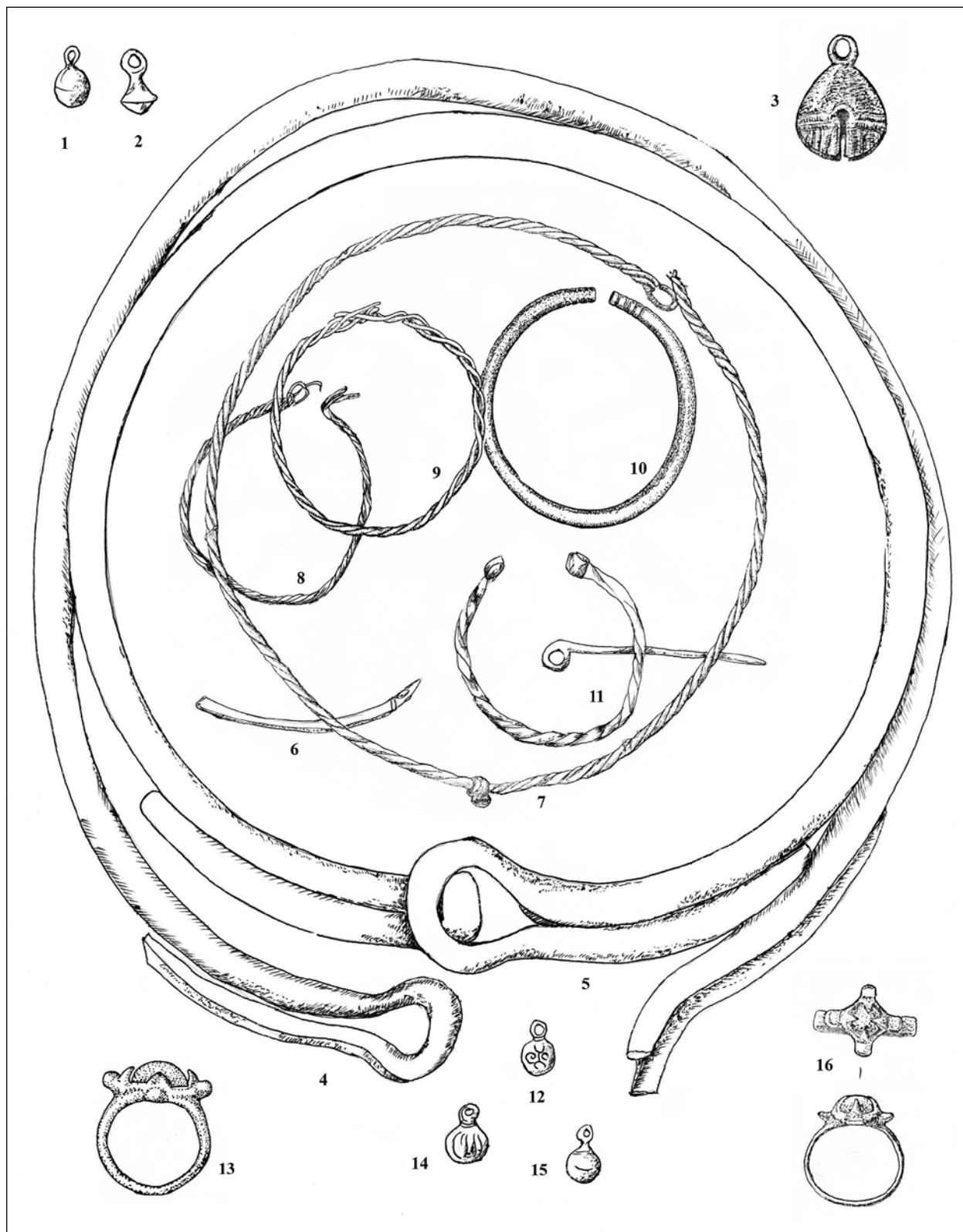

Рис. 3. Изделия цветных металлов конца IX–X вв. Масштабы разные. 1, 2, 12, 15: Ханска; 3, 6–11, 16: Екимăуцы (Республика Молдова); 4, 13: Рăдукэнь (Румыния); 5: Алчедар; 14: Ханска-Кэпрэрия (Республика Молдова) (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

3. kép. Színesfémű tárgyak a 9. század vége és a 10. század közötti időszakból. Különböző méretarányok. 1–2, 12, 15: Hansca; 3, 6–11, 16: Echimăuți (Moldova); 4, 13: Răducăneni (România); 5: Alcedar; 14: Ханска-Кэпрэрия (Moldova) (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

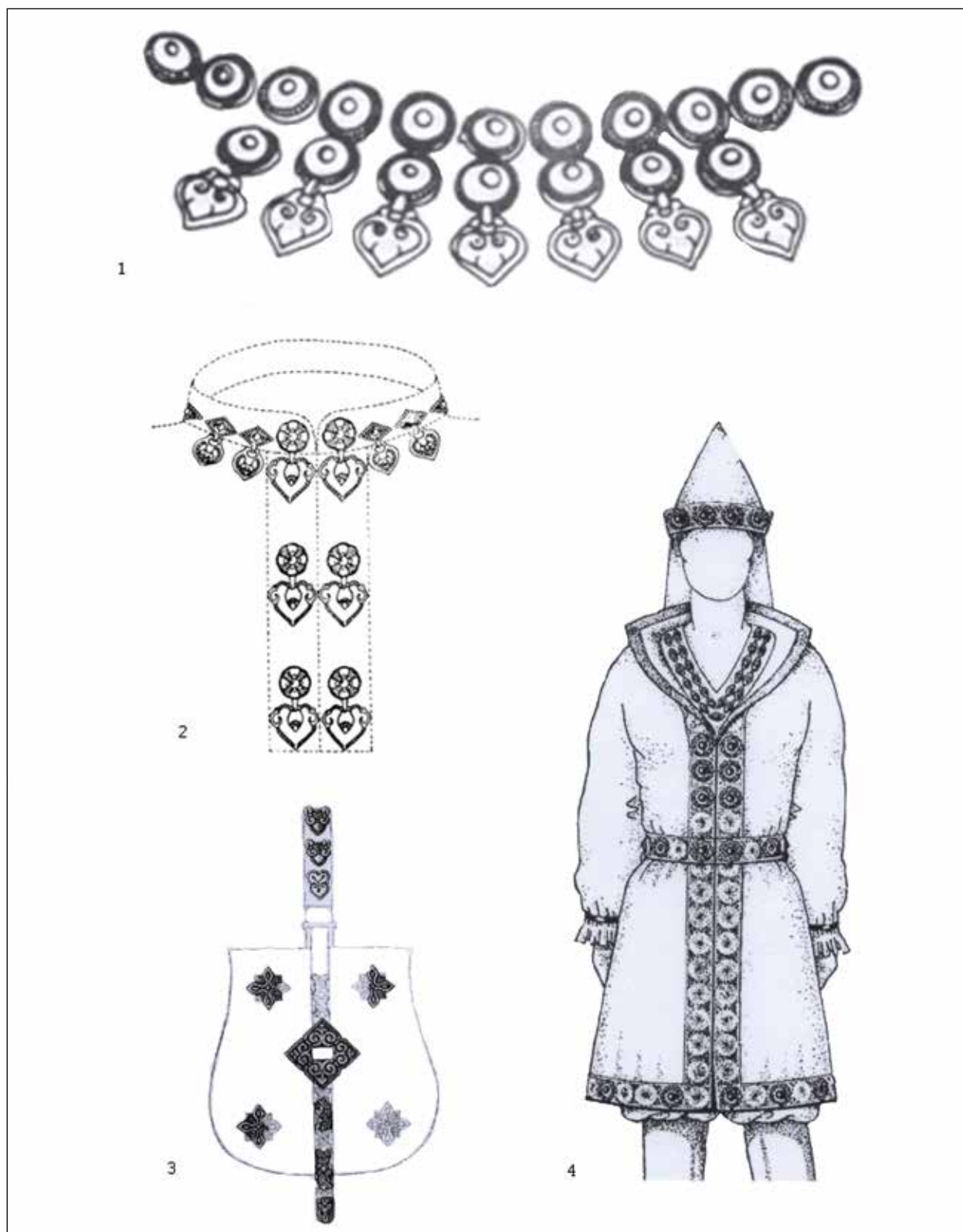

Рис. 4. Детали декорировки костюма (1–2) и реконструкция сумки-ташки (3) и женского одеяния, декорированного металлической гарнитурой (4). 1: Sárrétudvari-Hízóföld (Венгрия); 2: Mezőzombor-Bálványdomb (1: по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014; 2: по MEGAY 1963 и DEMO 1983; 3–4: DIENES 1973 и PINTÉR–DRAGOŰ–ŰIPIC 2006)

4. kép. A viseletdíszek elemei (1–2), tarsolyrekonstrukció (3) és egy fémdíszekkel ellátott női ruha rekonstrukciója (4). 1: Sárrétudvari–Hízóföld (Magyarország); 2: Mezőzombor–Bálványdomb (1: РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014; 2: MEGAY 1963 és DEMO 1983; 3–4: DIENES 1973 és PINTÉR–DRAGOŰ–ŰIPIC 2006)

Один из двух перстней, найденных в Бирке (Швеция), был обнаружен в составе женского захоронения № 515. Литой серебряный перстень с четырьмя лапками и аметистовой вставкой был подвешен к овальной фибуле и дополнительно декорирован типичной скандинавской бусиной, выполненной из свернутой рубчатой проволоки. На вставке перстня нанесена надпись: «Аллах».¹⁰⁰ На Руси эти перстни представлены в ранней группе древнерусских кладов¹⁰¹ на поселениях и в захоронениях. Наибольшее количество находок связано с Тимеревским археологическим комплексом (поселение и некрополь). Отсюда происходит более десятка подобных перстней и их фрагментов (в том числе, и экземпляры с надписями).¹⁰² На вставках, найденных в трех погребениях (курганы 120, 348, 382), прослеживаются надписи. Еще семь находок (курганы 95, 100, 265, 284, 297, 382, 459) надписей не содержат.¹⁰³ Отмечено, что подобные перстни зачастую встречаются в женских захоронениях. В погребении 120 было найдено кольцо с надписью на вставке «Благодать от Аллаха», на кольце из парного погребения № 382 читается надпись «Ибрагим сын Али». В погребении кургана № 348 (камерном) серебряный перстень с сердоликовой вставкой находился на пальце правой руки погребенной женщины (погребение совершено в сидячем положении). На вставке нанесена надпись: «Аллах». В уборе погребенной представлены также две скандинавские скорлупообразные и одна круглая фибулы. Погребение было отнесено ко второй половине X века.¹⁰⁴ В кургане 297 обнаружено парное погребение женщины 30–45 и девочки 11–13 лет. Здесь также представлены парные овальные фибулы и серебряный перстень с сердоликовой

вставкой, но одетый на фалангу пальца медвежьей лапы.¹⁰⁵

Из слоев Старой Ладоги второй половины IX и X вв. происходит простой бронзовый перстень с синей стеклянной вставкой и несколько отдельных каменных вставок из горного хрусталя и сердолика.¹⁰⁶ Несколько перстней салтовского типа и вставок к ним известны из раскопок Гнёздовского археологического комплекса.¹⁰⁷

В Новгороде одна сердоликовая вставка была найдена в слое второй половины X в. С Рюрикова городища под Новгородом происходит три сердоликовые вставки от перстней. Одна найдена в слое второй половины IX – первой половины X вв., вторая – второй половины X в., еще одна найдена в мешаном слое. Кроме того, в 2009 г. в комплексе второй половины X в. была найдена сердоликовая инталия с изображением птицы и виноградной грозди.¹⁰⁸ По мнению Т. С. Дорофеевой, сюжет, изображенный на вставке, может быть атрибутирован, как символическое изображение Святого Причастия, а сама инталия могла принадлежать христианину, принявшему православие еще до официального крещения Руси.¹⁰⁹

Таким образом, в Восточной Европе встречаются как перстни салтовского типа с резными и гладкими каменными вставками, так и отдельные вставки для перстней. Появление подобных украшений связано с восточным в широком смысле слова влиянием. Более широко были распространены салтовские перстни со стеклянными вставками. Материалы из Тимеревского могильника и некрополя Бирки демонстрируют вхождение подобных украшений в женскую субкультуру славянского и скандинавского населения. Подобные украшения, возможно, подносились в дар, а женщины, обладавшие ими,

¹⁰⁰ ARBMAN 1940, Taf. 111. 1.

¹⁰¹ КОРЗУХИНА 1954, 12.

¹⁰² ДУБОВ 1976, 82–86; ДУБОВ–СЕДЫХ 1992, 115–123; ЗОЗУЛЯ 2012, 90–98.

¹⁰³ ДУБОВ 1982, рис. 40. 11; ДУБОВ 1976, рис. 2. 11; ДУБОВ–СЕДЫХ 1992, рис. 2. 2; СЕДЫХ 2001, 180, 181; ФЕХНЕР–НЕДОШИВИНА 1987, 70–89.

¹⁰⁴ ЗОЗУЛЯ 2012, 97.

¹⁰⁵ СЕДЫХ 2001, 179, 180; ЗОЗУЛЯ 2012, 96.

¹⁰⁶ ДАВИДАН 1998, 123–132; ДАВИДАН 1986, 99–105; КИРПИЧНИКОВ–БОГУСЛАВСКИЙ 2003, 366; КИРПИЧНИКОВ 2009, 339–342, рис. 8. 9.

¹⁰⁷ ЗОЗУЛЯ 2012, 95.

¹⁰⁸ ДОРОФЕЕВА 2010, 278–283.

¹⁰⁹ ДОРОФЕЕВА 2010, 280, 282.

Рис. 5. Изделия из цветных металлов из Пруто-Днестровского региона. 1–13, 16–21: Екимайцы (фото авторов);
14–15: Слободзея (фото любезно предоставлено А. Тюрком)

5. kép. Színesfémből készült díszítmények a Prut–Dnyeszter régióból. 1–13, 16–21: Echimăuți (a szerzők felvételei);
14–15: Szlobodzeja (a fotót Türk A. bocsátotta rendelkezésemre)

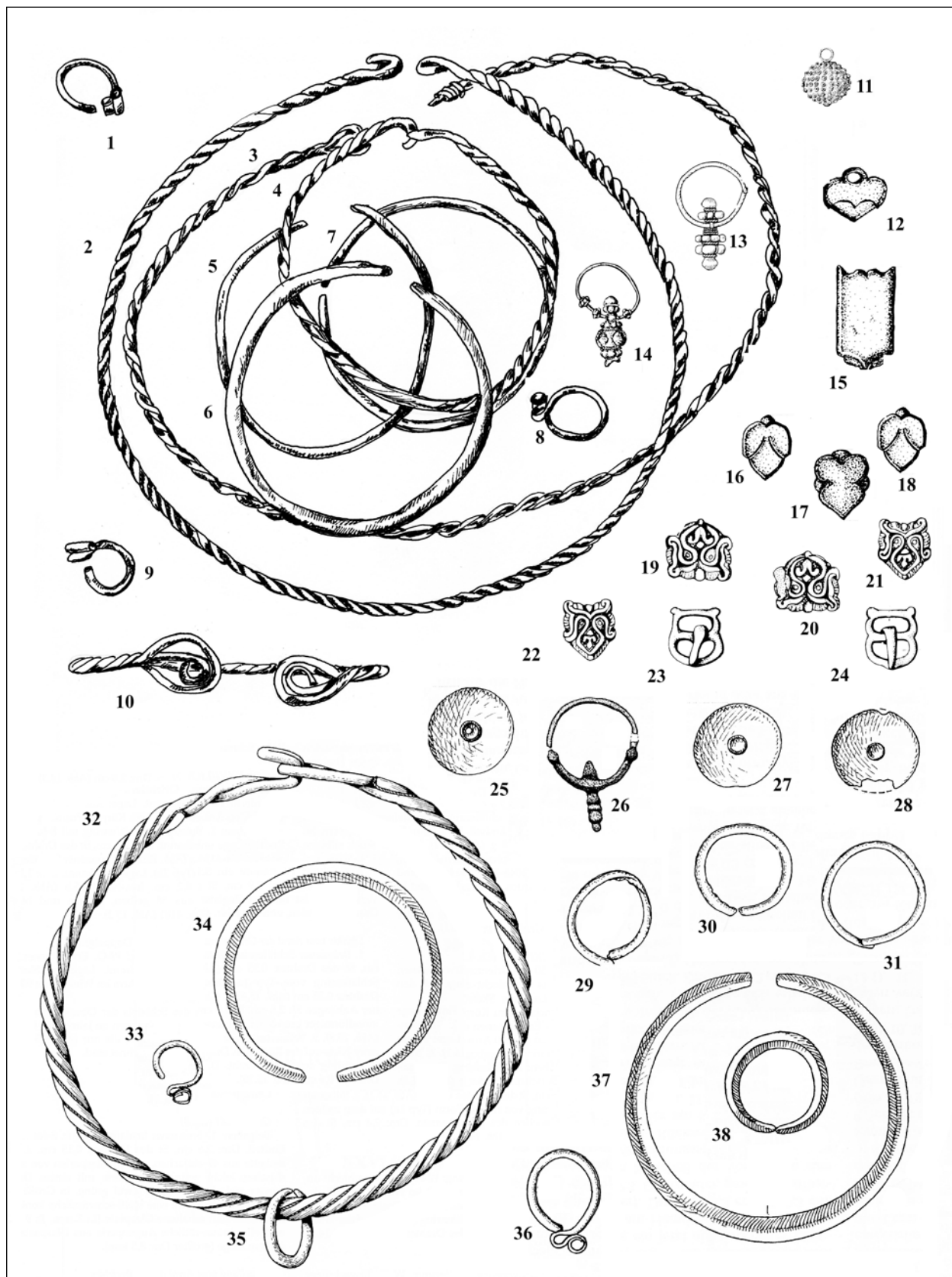

Рис. 6. Изделия цветных металлов X–XI вв. Масштабы разные. 1–10: Нитра (Словакия); 11–24: Клуж (Румыния); 25–36: Орадя-Салка (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

6. kép. Színesféműből készült díszítvények a 10–11. századból. Különböző méretarányok. 1–10: Nyitra (Szlovákia); 11–24: Kolozsvár (Románia); 25–36: Nagyvárad-Szalka (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

могли быть представительницами смешенных семей, а их мужья были людьми с востока.¹¹⁰

Находки подобных украшений в Пруто-Днестровском регионе связаны, по всей видимости, с влиянием культурных традиций проживавшего здесь «салтоидного» и венгерского населения.

Находки украшений с зернью в Пруто-Днестровском регионе в основном приурочены к кольцевым городищам. На городище Екимауцы найдены так называемые «волынские серьги», а также полусферические подвески, лунница, зерненные бусы (рис. 2. 1–14, 28–31; рис. 5. 1–2). На Алчедаре – «волынские серьги», зерненные бусы, пуговицы, лунница, на Германарие – перстень с полусферическим щитком¹¹¹ (рис. 2. 33, 36–51). Кроме того, целая подборка декорированных зернью пуговиц была найдена в захоронении молодой девушки в Джурджулешском могильнике, а одна серьга «волынского типа» – в погребении 35 Бранештского могильника¹¹² (рис. 2. 33, 34–36). Некоторые из подобных изделий («волынские серьги», перстни с полусферическими щитками, лунницы) достаточно часто встречаются и на памятниках культуры Бьело Брдо. В этой связи нам представляется необходимым уточнить, можно ли их появление в Пруто-Днестровском регионе связывать с непосредственным венгерским присутствием, влиянием или тут необходимо говорить о каких-то иных тенденциях.

С городища Екимауцы происходит 32 экземпляра «волынских» серег. Это наиболее значимая подборка подобных украшений с поселений, исследованных на территории Восточной Европы.¹¹³ Среди материалов с Екимауц выделяется несколько пар идентичных серебряных серег. Между собой пары различаются

размерами, количеством витков сканной, проволочной или зерненной обмотки. Наличие на этом городище ювелирной мастерской, одной из специализаций которой было изготовление серег этого типа, документируется находкой набора ювелирного инструментария, среди которого представлена наковальня-волочило. Отверстия волочила совпадают с диаметром проволоки, из которой выполнены дужки серег «волынского» типа, найденных на городище. Из этого же комплекса происходят тигли, молоточки, ножницы, матрицы для тиснения. Среди серег, найденных на городище, кроме серебряных составных экземпляров есть и одна бронзовая литая серьга. Составные серьги представлены в двух вариантах: с подвеской, собранной из поясков зерни и проволоки,¹¹⁴ и подвеской, в состав которой включены тисненные бусины, декорированные зернью.¹¹⁵ Второй вариант представлен только одной парой изделий.

Восемь серег «волынского» типа были найдены в Алчедарском кладе.¹¹⁶ Из них одно украшение с полый тисненной подвеской, декорированной зернью,¹¹⁷ остальные принадлежат к типу В (рис. 2. 44–51).

Рассмотрим географию распространения этих украшений. Две пары серег типа А были обнаружены в Соб-Венелин (Венгрия), где они были найдены в составе погребального инвентаря.¹¹⁸ Одна пара подобных серег, но без зерни была найдена в Арсуре (Румыния).¹¹⁹ Однако основной ареал их распространения приурочен к Поднепровью и Волини. На территории Руси в составе погребального инвентаря этот тип серег находят исключительно на Волини. В погребении № 29 Пересопницкого могильника было раскопано погребение ювелира, изготавлившего такие украшения, в том числе штампы

¹¹⁰ Чернышенко 2015, 222–226.

¹¹¹ Рябцева 2006, 143–168; Рабинович–Рябцева–Тельнов 2010, 200–214; Рябцева–Тельнов 2010, 85–300; Рябцева 2014, 140–164.

¹¹² Левицкий–Хахев–Рябцева 2000, 90–118; Федоров–Чеботаренко–Великанова 1984, 17.

¹¹³ Федоров 1953, 125.

¹¹⁴ Тип С по нашей классификации «волынских серег»: Рабинович–Рябцева 1997, 243.

¹¹⁵ Тип В по нашей классификации: Рабинович–Рябцева 1997, 243.

¹¹⁶ Рябцева–Тельнов 2010.

¹¹⁷ Тип А по нашей классификации: Рабинович–Рябцева 1997, 243.

¹¹⁸ Mesterházy 1994, Abb. 10–11.

¹¹⁹ Spinei 1999, 66, fig. 14.

для тиснения подвесок.¹²⁰ В 1983 г. на Волини была сделана находка двух серег «волынско-го» типа А в погребении пожилой женщины в кургане М-7 могильника в урочище Майдан у с. Берестяное.¹²¹ Подобные височные подвески были найдены в Гуцинском кладе под Черниговом и на Строчинском городище под Минском (городище на Менке) при раскопках жилища X – начала XI вв.¹²² В Гнездовском кладе 1993 г. представлено 6 «волынских» колец типа А, изготовленных из высокопробного серебра.¹²³ Причем, форма части подвесок серег «волынско-го» типа из этого клада совпала с формой штампов из захоронения ювелира в Переспонницком могильнике на Волини.¹²⁴ Недавно и в Гнездовском комплексе был обнаружен фрагмент штампа для тиснения подвески «волынской» серьги.¹²⁵

Серьги типа В распространены шире. Они встречаются на Руси, на территории Венгрии, Болгарии, Югославии, Румынии.¹²⁶ Литые аналоги этому типу «волынских» серег встречены в Венгрии, Югославии и Болгарии.¹²⁷ Украшения, декорированные зернью, приурочены к Карпато-Дунайскому региону (Токайский клад, погребение в Соб-Кишердьё (Szob-Kiserdő), клад Рэдукэнень, погребение в Клуже), Поднепрровью и Поднестровью (клады Копиевский, Борщевский и Алчедар; находка из Елизаветградского уезда; городища Червоне и Екимауцы; могильник Брэнешть).¹²⁸ На Бал-

канах чаще встречаются серьги без зерневого декора подвески.¹²⁹ Серьги из Винче и Троянова Моста (Югославия)¹³⁰ и из Градешников (Болгария),¹³¹ по внешнему виду близкие украшениям из Токайского клада, но не украшены зернью. Декорированная зернью серьга была найдена в Сербии, в Нише, в погребении некрополя церкви св. Пантелеймона. У этой серьги подвеска выполнена не из тисненого шарика, а из свернутых в кольца металлических полос.¹³² В Хорватии украшения с зернью были найдены в могильнике Вуковар, в Венгрии в Соб-Кишердьё (Szob-Kiserdő), погр. № 69.¹³³

На Балканах этот тип украшений встречается, в основном, в захоронениях,¹³⁴ в Венгрии – в захоронениях и в Токайском кладе,¹³⁵ в Румынии – кладе Рэдукэнень и в погребении в Клуже.¹³⁶

Украшенные зернью серьги типов А и В появляются в середине X в. Прототипами их, вероятно, являются распространенные в великоморавских древностях схожие серьги с более миниатюрными тисненными, но чаще литыми подвесками без зерневого декора (Нитра), сходные украшения происходят из Чимбруд в Румынии и целого ряда пунктов на Балканах (например, Галиче, Луковит, Болгария), на территории Древней Руси они известны из Гнездовского археологического комплекса и с городища Новотроицкое и связаны, по всей видимости, с притоком в конце IX – начале X вв. населения из Дунайского региона.¹³⁷

¹²⁰ Мельник 1901, 479–576; Корзухина 1946, 48.

¹²¹ Гупало 1996, 124, рис. 11.

¹²² Алексеев 1966, 147, 148, рис. 28. 1; Перхавко 1986, 30.

¹²³ Пушкина 1994, 171–186.

¹²⁴ Ениосова 1998, 258–267.

¹²⁵ Мурашева–Рузанова 2012, 128–137.

¹²⁶ Корзухина 1946, 50; Новикова 1990, 115; Рабинович–Рябцева 1997, 237; Váňa 1954, tab. 4; Masov 1979, 39; Гатев 1977, 34; Ёоровиць–Љубинковиць 1951, 44; Teodor 1980, 404; Dragotá 2014, 16, fig. 3.

¹²⁷ Рабинович–Рябцева 1997, 237.

¹²⁸ Демо 2009, 342; Корзухина 1954, 84; Teodor 1980, 404; Mesterházy 1994; Рябцева 2005, 98.

¹²⁹ Вьжарова 1976; Ёоровиць–Љубинковиць 1951.

¹³⁰ Ёоровиць–Љубинковиць 1951, сл. 7.

¹³¹ Masov 1979, fig. 8. 2.

¹³² Новикова 1990, 113, рис. IV.

¹³³ Демо 2009, 342–345, fig. 29.

¹³⁴ Милчев 1963, 22–37, т. 2. 3; Вьжарова 1974, 9–22; Masov 1979, 31–47, fig. 8. 1; Демо 2009, 345, fig. 29.

¹³⁵ Ёоровиць–Љубинковиць 1951, сл. 21.

¹³⁶ Teodor 1980.

¹³⁷ Рябцева 2009, 279, рис. 5; Ржавцева 2014, 170–177.

Наиболее ранние образцы серег типа С, датируемые IX–X вв., известны для территории Чехии и бывшей Югославии.¹³⁸ В остальном же ареале данных украшений они датируются в пределах X–XI вв.¹³⁹ В ареале культуры Бьело Брдо известно около 30 местонахождений серег данного типа,¹⁴⁰ встречающихся как в составе кладов, так и в погребениях. Для Польши находки серебряных, зачастую фрагментированных, серег данного типа характерны для «кладов рубленого серебра». На этой территории данные серьги представлены в составе 22 кладов (только одна находка четырех украшений была сделана на городище Любомий).¹⁴¹ На Балканах находки данного типа украшений концентрируются в погребальных памятниках на территории бывшей Югославии,¹⁴² встречаются они и в Болгарии. Так, бронзовые литые серьги данного типа были найдены в некрополях Луковит и Галиче, а серебряная зерненная в погребении № 5 некрополя Галиче.¹⁴³ Этот тип серег «волынско-го» типа находят на Руси в составе кладов,¹⁴⁴ но и на городищах,¹⁴⁵ а также в захоронениях.¹⁴⁶

Как мы видим, серьги типов В и С типичны для памятников, представленных на территории распространения культуры Бьело Брдо.¹⁴⁷ Однако, имеющиеся находки подобных изделий и в других регионах, в том числе и в Восточной Европе, не позволяют считать, что эти украше-

ния типичны именно для Бьело Брдо, или хотя бы служат индикаторами для выявления присутствия древностей данной культуры.

Практически аналогичная ситуация складывается для перстней с полусферическими щитками. Подобный перстень был обнаружен в Молдове впервые в 2008 году в результате раскопок на посаде кольцевого городища Германарие¹⁴⁸ (рис. 2. 33). Довольно большое количество сходных перстней известно с территории Древней Руси. Они найдены в погребениях в Киеве¹⁴⁹ и Плеснецке,¹⁵⁰ на городище Глибовка в Левобережной части Среднего Поднестровья,¹⁵¹ кладах Копиевка,¹⁵² Гущинском (все – Украина),¹⁵³ Любоежском кладе (Ильменское Поозерье, Россия).¹⁵⁴ В основном, это находки середины X – первой половины XI вв., только Любоежский клад относится к XII веку.

Так же, как и в случае в «волынскими» серьгами, прототипы и наиболее ранние образцы подобных украшений представлены в памятниках Великой Моравии, в частности, Микульчицы,¹⁵⁵ Бреслав-Поханско,¹⁵⁶ Старое Место «На Валах»,¹⁵⁷ Предмости.¹⁵⁸ К числу ранних, как правило, относят своеобразный вариант перстня с тремя полусферическими щитками, обнаруженный совместно с двумя парами серег типа «Темпельгоф» в женском погребении № 355 могильника Птуйский Град в Словении.¹⁵⁹ Пер-

¹³⁸ Jurič 1986, tab. IV.

¹³⁹ Рябцева 2005, 99–102.

¹⁴⁰ Mesterházy 1994, Abb. 14.

¹⁴¹ Kóčka-Krenz 1993, 84.

¹⁴² Jurič 1986, tab. IV, tab. VI.

¹⁴³ Вьжарова 1976, 207, 244; Вьжарова 1987, 298–308, рис. 4.

¹⁴⁴ Юрковецкий и Копиевский клады: Корзухина 1954, 84.

¹⁴⁵ Федоров 1953, 125.

¹⁴⁶ В пересопницких курганах: Мельник 1901; погребении 124 Киевского некрополя: Голубева 1949.

¹⁴⁷ Поровић-Љубинковић 1951, 21–55; Mesterházy 1994, Abb. 14; Giesler 1981, 91–98, Tab. 3.

¹⁴⁸ Рабинович-Рябцева-Тельнов 2010, 200–214.

¹⁴⁹ Ивакин 2005, 287–303.

¹⁵⁰ Ливох 2010, 486–492.

¹⁵¹ Маярчак 2006, 35, 36.

¹⁵² Линка-Гешпенер 1948, 182–190.

¹⁵³ Корзухина 1954, 21, 22, т. VII.

¹⁵⁴ Торопов 2009, 58–59.

¹⁵⁵ Dekan 1979, cat. 162, cat. 163; Profantová-Kavánová 2003, 334, obr. 151.

¹⁵⁶ Kalousek 1971, 142, obr. 242.

¹⁵⁷ Hruby 1955, 413, tab. 1–13.

¹⁵⁸ Dostcat. I 1966, 155, tab. XXXV. 8.

¹⁵⁹ Korošec 1950, 93, fig. 19; Јовановић 1988, 261, 5.

стни с полусферическими щитками весьма характерны для регионов Балкан и Подунавья, где встречаются как паяные, так и литые образцы. Материалом для изготовления украшений служили бронза, серебро, в ряде случаев, позолоченное, изредка – золото.¹⁶⁰ Обилие подобных украшений в данном регионе исследователи объясняют, как влиянием византийского ювелирного дела, так и наличием источников сырья, например, серебряных рудников.¹⁶¹

По данным Владислава Йовановича, на 1988 год было известно 47 перстней, происходящих из 20 местонахождений на территории Югославии. Двадцать два экземпляра найдено в Македонии в пяти местонахождениях, 17 – в Сербии в пяти памятниках, в Хорватии – четыре перстня в трех местах, в Боснии и Герцеговине – два изделия в двух памятниках, в Черногории – один перстень.¹⁶² К настоящему времени количество опубликованных украшений увеличилось, но не на порядок.¹⁶³ В Болгарии перстни с тисненными полусферическими щитками были найдены в Плиске, Средище, в крепости Ветрин и в могильнике Ловеч.¹⁶⁴

Наиболее близкие аналоги перстням с высокими щитками с цилиндриками зерновой крестообразной композицией из Германарие (Молдова) или Матичане (Сербия), Свинаревцы (Хорватия) содержатся в кладе, найденном в 1954 г. при раскопках крепости Диногетия (Румыния).¹⁶⁵ Перстень с полусферическим щитком был обнаружен в 1996 г. в некрополе Дервент в окрестностях другой византийской крепости на Дунае – Пэкуюл луй Соаре.¹⁶⁶ Вместо полос зерни к его щитку напаяны нити скани, разделяющие треу-

гольники. В нижней части тисненая полусфера щитка обрамлена двумя рядами скани. Находят подобные украшения и на территории Баната и Трансильвании. Перстень со своеобразным щитком с высоким цилиндром и низкой полусферой, декорированным крупной зернью, установленной на проволочные колечки, и витой дужкой, был найден в погребении 4 могильника Циклова Ромына (Ciclova Romana).¹⁶⁷ Прекрасный перстень со щитком, покрытым плотными концентрическими кругами, выложенными из зерни и обрамленными при переходе к цилиндрику двумя полосами скани, был обнаружен в погребении № 17 могильника Изворул Императорулуй в Алба Юлии.¹⁶⁸ Интересно представленное в материалах этого некрополя сочетание украшений с зернью (перстень, серьга «волынско-го» типа) и миниатюрного энколпиона византийско-дунайского типа.¹⁶⁹

Роскошный золотой перстень происходит из случайной находки в комитате Саболец (Венгрия).¹⁷⁰ Всего К. Мештерхази приводит данные о находках около двух десятков подобных перстней, сконцентрированных в основном в Верхнем Подунавье, междуречье Дуная и Дравы, а также в бассейне Тисы.¹⁷¹

Таким образом, рассмотренные перстни находят в Богемии, Моравии, Словакии, Венгрии, Словении, Сербии, Косово, Воеводине, Хорватии, Черногории, Албании, Македонии, Болгарии, Румынии, Молдове, Украине, России – то есть, практически повсеместно в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Появляются они, по всей видимости, вместе с целой группой украшений византийского культурного

¹⁶⁰ Јовановић 1988; PETRINEC 2009, 244.

¹⁶¹ Викић 2010, 110, 112, sl. 83. 1.

¹⁶² Јовановић 1988, 261. Приношу огромную благодарность сотруднику отделения археологии философского факультета Белградского Университета Деяну Радичевичу за помощь с литературой.

¹⁶³ См. например Викић 2010, 110–112; DEMO 2009, 522.

¹⁶⁴ ГРИГОРОВ 2007, 33, 62, обр. 69, 10.

¹⁶⁵ DINOGETIA 1967, 277, 278, fig. 167; Јовановић 1979, 75. табл. VI. 3, 4.

¹⁶⁶ DIACONU–DAMIAN 1997, 43–44; DUMITRIU 2001, 104, Taf. 14/12.

¹⁶⁷ OEA 2008, pl. 54. 33.

¹⁶⁸ CIUGUDEAN 2006, 55, 109, cat. 124; DRAGOTĂ ET AL. 2010, 107.

¹⁶⁹ GÁLL 2013, tab. 80.

¹⁷⁰ MESTERNÁZY 1991, 145–177, 7. ábra. 7.

¹⁷¹ MESTERNÁZY 1991, 10. ábra.

круга. Наиболее ранние находки представлены в Моравии и Далмации.¹⁷² Если датировка моравских образцов, как правило, ограничивается концом IX – началом X вв., то на Балканах они доживают до XII века.¹⁷³ Для перстней, представленных на памятниках культуры Бьело Брдо, исследователи определяют дату в пределах середины X – середины XI вв.¹⁷⁴ Скопление находок перстней с полусферическими щитками на территории Подунавья и Балкан может свидетельствовать как о популярности здесь этого типа украшений, сформировавшегося на базе византийской традиции цветной мелалобработки, так и наличии мастеров, изготавливавших их.

Характеризуя комплексы, в которых находят подобные перстни, необходимо подчеркнуть, взаимовстречаемость их с другими украшениями с зернью, такими как, например, кольца типа «Темпельгоф» или серьги «волынского типа». Кроме того, как для многих погребений, так и кладов, где присутствуют эти перстни, типичны наборы вещей, характеризующие полиэтничную дружинную культуру. В обиходе людей, оставивших эти памятники, встречаются предметы личного христианского благочестия, зачастую провинциально византийского круга, украшения славянского и византийского происхождения. В памятниках культуры Бьело Брдо подобные наборы дополняются специфическими категориями инвентаря. К ним относятся, кроме упомянутых выше «волинских» «гроздевидных» серег (тип «С» по нашей классификации, он же тип 17 по Гисслеру), витые гривны с замком, крючком и петлей (тип 1b по Гисслеру), гладкие и подграненные дрововые браслеты (типы 4 и 7 по Гисслеру), плетеные тонкопроволочные перстни (тип 30 по Гисслеру), перстневидные кольца с S-видными окончаниями.¹⁷⁵

Таким образом, рассмотренные нами вещи с зернью – «волинские» серьги и перстни с полусферическими щитками, могут быть рассмо-

трены в контексте венгерского присутствия в Пруто-Днестровском регионе лишь в том случае, если они найдены совместно с украшениями, типичными именно для венгерских древностей и (или) культуры Бьело Брдо.

На материалах Центральной и Юго-Восточной Европы выделяется группа древностей, типичная для венгерского костюма и ювелирного убора. К подобным изделиям относятся некоторые специфические наборные пояса и сумки-ташки, каплевидные и листовидные подвески, обувные нашивки, пластинчатые перстни с врезными надписями, своеобразные варианты узких пластинчатых браслетов, металлические биконические спиральные бусы, круглые наконечники подвески с гравированным орнаментом, металлические орнаментированные навершия шапок. Процесс выделения на памятниках Пруто-Днестровского региона специфически венгерских вещей затрудняется тем, что в памятниках Карпатской котловины, с которыми производится сравнение, встречается целый ряд ювелирных изделий, представленных и у других этнокультурных групп, и в других регионах, в том числе, в Восточной Европе. К подобным изделиям относятся, например, витые гривны, дрововые и змеиноголовые браслеты.¹⁷⁶

Вошедшие в венгерский ювелирный убор дрововые и узкие пластинчатые браслеты, а также серьги в виде простых колечек, являются и рядовыми украшениями степняков Восточной Европы в X–XI вв. Весьма широко распространены такие изделия в восточнославянских древностях. Находят их и на поселениях, в том числе в интересующем нас регионе – Екимавцы, захоронениях – Бранешты. В венгерских могилах перстневидные серьги встречаются как в женском, так и в мужском уборе.¹⁷⁷

Наследием салтовских традиций в венгерском костюме можно считать некоторые типы наборных поясов, своеобразный вариант серег с литой

¹⁷² DOSTÁL 1966, 35–37; ČREMOŠNIK 1951, 266–268; BIKIĆ 2010, 147.

¹⁷³ JOVANOVIĆ 1979, 71; PETRINEC 2009, 244, 596; BIKIĆ 2010, 111.

¹⁷⁴ GIESLER 1981, 109–113; DRAGOTĀ ET AL. 2010, 115.

¹⁷⁵ GIESLER 1981, Taf. 1–4; DRAGOTĀ ET AL. 2010, 115.

¹⁷⁶ HAMPEL 1905; VĀŇA 1954, 51–104; ЭРДЕЛИ 1972, 139.

¹⁷⁷ БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 102, 109, 112.

удлиненной подвеской, состоящей из бусин – перехватов.¹⁷⁸ Вошли в венгерский убор и салтовские перстни, в основном их поздний вариант с крупной вставкой и небольшими лапками.¹⁷⁹

К вещам, имеющим подунайские истоки, в венгерском ювелирном уборе относятся разнообразные варианты «гроздевидных» серег, в том числе и «волынские» В и С типов, перстневидные кольца с S-видным завитком, тисненые пуговицы – гомбики, перстни с полусферическими зерненными щитками, пластинчатые перстни с расширенными щитками, декорированные изображениями птиц, звезд, циркулярным орнаментом.¹⁸⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, при всей сложности этнокультурной интерпретации древностей Прудо-Днестровского региона, которые могли соотноситься с раннеисторическими венграми, правомерен вопрос: что же нам удастся выделить собственно венгерского?

Пояс из Слободзейского кургана принадлежал, по всей видимости, именно венгру, захороненному в Приднестровской степи по дороге на новую родину. В Прудо-Днестровском регионе к бесспорно типичным для венгерских древностей могут быть отнесены следующие вещи: каплевидная подвеска (Ханска) и изделия со специфической венгерской пальметтой – наколочник ножен (Екимауцы), бляшка (Тарасова). Среди находок, которые могут быть представлены, в том числе и у венгров, следует упомянуть рассмотренные выше предметы ременной и сумочной гарнитуры, бубенчики, «салтовские» перстни. Серьги «волынского» типа, а также дровые и витые браслеты, витые гривны в контексте их находки на одном памятнике (городище Екимауцы) могут рассматриваться, как аналогичные комплексам находок культуры Бело Брдо. Рассмотренные находки, хоть и не многочисленны, но достаточно выразительны.

При этом ни «гроздевидные» серьги, в том числе «волынские», встречаемые в этих памятниках, ни перстни с полусферическими щитками, ни лунницы, ни серьги с S-видными завершениями, на наш взгляд, нельзя считать специфичными именно для этой культурной общности, хоть они и выделяются в качестве типичных для региона, в котором представлены археологические памятники этой культуры.¹⁸¹ Однако именно сочетание украшений, имеющих различные культурные истоки, характерно для набора ювелирных украшений, встречающихся в памятниках Бело Брдо.

Заслуживает внимания, что они встречаются: – на всех типах памятников: сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимауцы, Алчедар, Орхей, Тарасово) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладках (Рэдукэнень); – на разных в культурном отношении памятниках. Это и группа кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар в северо-восточной части региона, и памятники центральной зоны Молдовы – культурные группы Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень.

Этот факт говорит о не случайности тех или иных венгерских находок и предполагает постановку вопроса, как о степени влияния венгров, так и о непосредственном пребывании венгров в регионе.

Учитывая культурную разнородность групп памятников в Молдове, за которой стоит разное, в том числе и этническое происхождение их носителей, где выявлены элементы венгерского культурного присутствия или влияния, полагаем, что они могут отражать разные явления.

Для памятников типа Ханска (поселение Ханска, могильники Лимбарь, Кэпрэрие) можно предположить, что за венгерскими находками

¹⁷⁸ VÁNA 1954, tab. IV; CSALLÁNY 1979, Taf. XXXVI; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 350; БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 112.

¹⁷⁹ БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 112.

¹⁸⁰ VÁNA 1954, 94.

¹⁸¹ VÁNA 1954, 50–95; GIESLER 1981, Taf. 1–4; MESTERHÁZY 1991, 145–177.

стоит присутствие представителей носителей венгерской материальной культуры или даже венгерского этноса. Мы отмечаем детали ремесленной гарнитуры, имеющие близкие аналогии в венгерских памятниках, находку каплевидной подвески, специфичной для венгерской женской субкультуры.

В историографии уже давно отмечается полиэтничный характер носителей культуры древностей типа Ханска, в которых ярко выражено как раз присутствие салтово-маяцкого культурного компонента, например, в гончарном производстве (многочисленные двухъярусные гончарные горны салтовской конструкции, керамика), домостроительстве (распространение тамбуров входа, очагов, как единственных отопительных устройств, юртообразных углубленных жилищ), погребальной обрядности (положение погребенных, инвентарь). По данным антропологического изучения М. С. Великановой погребенные в могильнике Лимбарь были недавними потомками переселенцев из районов салтово-маяцкой культуры, предположительно, тюрко-болгары.¹⁸²

Авторы недавно опубликованного исследования по периодизации могильников в центральной зоне Молдовы признали, что «доля участия венгерско-тюркского компонента, чье явное и не явное присутствие среди погребений Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть отмечается исследователями, в формировании этих древностей должна быть выше, чем считается сегодня».¹⁸³ Е. Ю. Зверев и К. Т. Ткачук предложили периодизацию, основанную на связи определенных черт погребальной обрядности (положение и ориентировка костяка, расположение рук) с сезонной смертностью и половозрастным распределением у погребенных в могильниках, обслуживающих поселения Ханска и Бранешть. Исследователи уверенно говорят о том, что селище Ханска долгое время (вторая половина IX–X вв., этому периоду соответствует время функционирования могильника Кэпрэрия и начало функционирова-

ния могильника Лимбарь) не имело постоянных жителей, использовалось как летник, основную массу населения составляли мужчины, проживавшие здесь только в теплое время года. Население памятника росло скачкообразно, благодаря приходу мигрантов. Лишь в конце X в. с новой волной переселенцев на Ханске появляется значительное число постоянных жителей. Авторы соотносят «сезонный» образ жизни жителей Хански с полукочевой (второй) стадией кочевания у степных народов Евразии по С. А. Плетневой.¹⁸⁴

Таким образом, находки каплевидных подвесок на памятниках типа Ханска и на поселении Дэнешть в Румынской Молдове, не обособленные на фоне ощутимого салтовского культурного влияния в регионе, скорее, свидетельствуют о непосредственном проживании здесь носителей венгерской культуры.

Но, видимо, уже другой контекст имеет присутствие находок венгерского происхождения на памятниках типа Екимауцы-Алчедар, к которым по набору вещей относится и клад Рэдукэнень.

Во-первых, можно вести речь о распространении на территории Карпато-Поднепровья дружинной субкультуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказывала влияние венгерская традиция. Из Екимауц и Рэдукэнень происходят сабля и наборные пояса, изготовленные в венгерской традиции. Пользовались такими поясами и оружием местная знать, возможно, воспринявшая их, что нельзя исключать, непосредственно от венгров, пребывавших в регионе.

Во-вторых, можно предположить, что влияние венгров не ограничилось только в сложении дружинной субкультуры. Мы неоднократно затрагивали вопрос о западнославянском происхождении памятников типа Екимауцы-Алчедар, делая вывод об этом на основании анализа самых разных категорий материальной культуры – фортификации, домостроительства,

¹⁸² Древняя культура Молдавии 1974, 127–150; Хынку 1970; Хынку 1973; Чеботаренко 1982; Рабинович 1990; Рабинович 1991; Рабинович 1997; Великанова 1978; Великанова 1983.

¹⁸³ Зверев–Ткачук 2012, 147.

¹⁸⁴ Зверев–Ткачук 2012, 146–147.

керамики, оружия и ювелирного убора.¹⁸⁵ В поствеликоморавский период на памятниках Чехии и Словакии выделяются материалы, близкие к типичным для культуры Бьело Брдо, а в материалах Венгрии и Трансильвании представлены вещи славянского происхождения, в том числе и имеющие великоморавские или подунайские истоки или параллели¹⁸⁶ (рис. б). Набор вещей из Екимауц, Алчедара и Рэдукэ-нень имеет, в том числе, аналогии в памятниках культуры Бьело Брдо – Кечкемет, Токай, Ваков, Клоштар, Бьело Брдо и др.¹⁸⁷ К подобным украшениям относятся бронзовые гривны с петельками на концах, дровые и витые бронзовые браслеты (рис. 3. 7–10), гроздевидные серьги и особенно их литые подражания (рис. 2. 1–16, 43–58), лунницы и особенно литые варианты (рис. 2. 23–28), «салтовские» перстни (рис. 3. 13, 16), ромбовидные серебряные бусы (рис. 2. 30, 31), шаровидные зерненные пуговицы или подвески (рис. 2. 34–38). Это позволяет, пока крайне осторожно, высказать предположение, что данные памятники в IX–X вв. могут рассматриваться, как своеобразный восточный дериват культуры Бьело Брдо. Конечно, это вовсе не означает, что среди носителей культуры памятников Екимауцы-Алчедар были обязательно венгры. Культура Бьело Брдо сложилась в это время в результате культурного симбиоза западных славян и венгров, но среди ее древностей присутствуют памятники с самыми разными соотношениями материалов ее возможных полиэтничных носителей.¹⁸⁸

В-третьих, нельзя не заметить сосредоточенности на Екимауцах, Алчедаре предметов вооружения, прямо или опосредованно связанных с венграми: сабля и наконечники стрел.¹⁸⁹ Эрвин Галл обратил внимание на характер распространения сабель в могильниках венгерской

культуры в Трансильвании и Верхнем Потисье. Эти находки очень редки, например, в Верхнем Потисье, в среднем приходится по одной сабле на могильник. Находки сабель, по мнению этого исследователя, сосредоточены в тех местах, например, в Клуже, где венгры осуществляли политический и военный контроль над теми или иными территориями, в стратегически важных пунктах.¹⁹⁰ Если говорить о Карпато-Днестровском регионе, то мы должны предположить, что присутствие предметов венгерского вооружения, возможно, означало и присутствие какого-то венгерского военного отряда.

Хотелось бы обратить внимание на еще один важный момент в связи с «венгерской проблемой». При сложении дружинной субкультуры в регионах Восточной Европы, как правило, обязательно присутствие скандинавского компонента. И только на территории Молдовы этот скандинавский компонент отсутствует (рис. 2. 39).¹⁹¹ Венгры задержали приход в Карпато-Днестровские земли Руси и, видимо, тем самым изолировали местное население и местные древности от скандинавского влияния.

Подводя итог, отметим следующее. На основании археологических данных мы можем говорить о присутствии в Пруро-Днестровском регионе некоторых элементов венгерской материальной культуры и даже ставить вопрос о непосредственном пребывании в регионе древневенгерского населения. Но анализ этих элементов осложняется тем, что такая культурная группа, как памятники типа Екимауцы-Алчедар, по нашему мнению, западнославянская по своему происхождению и явно отличается от других восточнославянских памятников. Для периода середины X – начала XI вв. по набору металлического убора она становится чрезвычайно близко древностям культуры Бьело Брдо. Поэто-

¹⁸⁵ Рабинович–Рябцева 2009; Рабинович 1997; Рябцева 2006; Рабинович–Рябцева 2006, 117–122.

¹⁸⁶ Čarповič 1954, 5–33; Harhoи–Gáll–Lakatos 2009, 225–257.

¹⁸⁷ Vaňa 1954, Tab. I, II, IV, V.

¹⁸⁸ Vaňa 1954, 51–104; Балинт 1979, 97–143.

¹⁸⁹ Чера 2013, 197–202.

¹⁹⁰ Галл и др. 2011, 236.

¹⁹¹ Единственной находкой вещи, выполненной в североевропейской традиции, но, скорее всего, на территории Древней Руси, является серебряная позолоченная подвеска «гнездовского типа», найденная недавно в составе денежно-вещевого клада на территории посада городища Алчедар. Рябцева–Тельнов 2010, 285–300.

му, в ряде случаев, сложно понять, имеем ли мы дело с некими отдельными венгерскими элементами в Пруто-Днестровском регионе или «венгерским следом» в сложении местного деривата культуры Бьело Брдо. Не будет излишним допущение, что сочетание местного западнославянского компонента и пришлого венгерского дало в регионе некое уникальное подобие культуры Бьело Брдо.

В связи с этим, хотелось бы сказать о необходимости дальнейшего исследования средневековых древностей Карпато-Днестровского региона, именно под углом зрения венгерской проблематики. При этом представляется перспективным, как дальнейшее исследование материалов, накопленных в музейных фондах, так и проведение новых археологических исследований, особенно на памятниках типа Екимауцы-Алчедар.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕЕВ 1966: Алексеев, Л. В.: *Полоцкая земля. Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв.* Москва 1966.
- АМБРОСИАНИ–АНДРОЩУК 2006: Амбросиани, Б. – Андросчук, Ф.: Вооружение и восточные контакты Бирки. В: *Русь на перехресті світів*. Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2006, 4–17.
- БАЛИНТ 1979: Балинт, Ч.: Венгры и т.н. Белобрдская культура. *Acta Archaeologica Carpatica* 1979:19, 97–143.
- БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988: Бокий, Н. М. – Плетнева, С. А.: Захоронение воина-кочевника X в. в бассейне Ингула. *Советская археология* 1988: 2, 99–115.
- БОНЕВ–ДОНЧЕВА 2011: Бонев, С. – Дончева, С.: *Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско*. Велико Търново 2011.
- ВЕЛИКАНОВА 1978: Великанова, М. С.: Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I–II тысячелетиях. В: *Славяно-волошские связи*. Ред.: Мохов, Н. А. Кишинев 1978, 30–76.
- ВЕЛИКАНОВА 1983: Великанова, М. С.: Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье. В: *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Ред.: Зеленчук, В. С. Кишинев 1983, 20–31.
- ВЪЖАРОВА 1974: Въжарова, Ж.: Селища и некрополи (края на VI–XI в.). *Археология* 1974:3, 9–22.
- ВЪЖАРОВА 1976: Въжарова, Ж.: *Славяни и прабългари*. София 1976.
- ВЪЖАРОВА 1987: Въжарова, Ж. Н.: Славяне к югу от Дуная. *Советская археология* 1987:4, 298–308.
- ГАВРИТУХИН–КАЗАНСКИЙ 2006: Гавритухин, И. О. – Казанский, М. М.: Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. *Археологические вести* 2006:13, 297–344.
- ГАЛЛ и др. 2011: Галл, Э. – Галл, С. – Времир, М. – Гергей, Б.: Погребение № 10 из могильника Клуж-Заполья и динамика завоевания венграми Трансильвании. *Stratum plus* 2011:5, 223–242.
- ГАТЕВ 1977: Гатев, П.: Накити от погребения от XI–XII в. *Археология* 19:1 (1977) 30–46.
- ГОЛУБЕВА 1949: Голубева, Л. А.: *Киевский некрополь*. В: *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов I*. Ред.: Воронин, Н. Н. Материалы и исследования по археологии СССР 11 (1949) 103–118.
- ГОЛЬЦЕВА–КАШУБА 1995: Гольцева, Н. В. – Кашуба, М. Т.: *Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья. (Материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.)*. Тирасполь 1995.
- ГРИГОРОВ 2007: Григоров, В.: *Метални накити от средновековна България (VII–XI век)*. Диссертации том I. София 2007.
- ГУПАЛО 1996: Гупало, В.: Дослідження курганного могильника в урочищі Майдан біля села Берестяне. В: *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* 17 (1996) 113–129.

- ДАВИДАН 1986: Давидан, О. И.: Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX вв. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 27 (1986) 99–105.
- ДАВИДАН 1998: Давидан, О. И.: Сердоликовые изделия из Старой Ладogi. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 33 (1998) 123–132.
- ДИМИТРОВ 1995: Димитров, Я.: Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.). *Плиска–Преслав* 7 (1995) 42–69.
- ДОНЧЕВА 2004: Дончева, С.: За един вид орнаментална украса в ранносредновековна Българска металлопластика. *Преслав* 6 (2004) 212–227.
- ДОРОФЕЕВА 2010: Дорофеева, Т. С.: Инталия с Городища под Новгородом. В: *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции: Новгород, 26–28 января 2010 г.* Ред.: Янин, В. Л. Великий Новгород 2010, 278–283.
- ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА МОЛДАВИИ. Ред.: Зеленчук, В. С. Кишинев 1974.
- ДУБОВ 1976: Дубов, И. В.: Новые раскопки Тимерёвского могильника. *Краткие сообщения Института археологии* 146. Москва 1976, 82–86.
- ДУБОВ 1982: Дубов, И. В.: *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья*. Ленинград 1982.
- ДУБОВ–СЕДЫХ 1992: Дубов, И. В. – Седых, В. Н.: Новые исследования Тимерёвского могильника. В: *Древности славян и финно-угров*. Ред.: Кирпичников, А. Н. – Рябинин, Е. А. Санкт-Петербург 1992, 115–123.
- ЕНИОСОВА 1998: Ениосова, Н. В.: Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова. В: *Труды VI международного конгресса славянской археологии* 4. Ред.: Седов, В. В. – Гринев, Н. Н. Москва 1998, 258–267.
- ЗВЕРЕВ–ТКАЧУК 2012: Зверев, Е. Ю. – Ткачук, К. Т.: К вопросу о периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в Пруро-Днестровском междуречье. *Stratum plus* 2012:5, 125–148.
- ЗОЗУЛЯ 2012: Зозуля, С. С.: Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимерёвского некрополя. *Российская археология* 2012:4, 90–98.
- ИВАКИН 2005: Ивакин, Г. Ю.: Погребения X – первой половины XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.). В: *Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. Ред.: Макаров, Н. А. – Чернецов, А. В. Москва 2005, 287–303.
- ИЗМАЙЛОВ 2000: Измайлов, И. С.: Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение. В: *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Ред.: Кирпичников, А. Н. – Носов, Е. Н. – Сакса, А. И. Санкт-Петербург 2000, 70–86.
- ЙОТОВ 1993: Йотов, В.: Находки от ремъчни украси от ранносредновековното селище до село Дебрене, Добричко. *Добруджа* 1993:10, 123–129.
- КАЗАКОВ 1972: Казаков, Е. П.: О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 161–167.
- КАЗАКОВ 1985: Казаков, Е. П.: Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным. *Советская археология* 1985:4, 178–185.
- КАЗАКОВ 2000: Казаков, Е. П.: Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI вв.). В: *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Ред.: Кирпичников, А. Н. – Носов, Е. А. – Сакса, А. И. Санкт-Петербург 2000, 87–99.
- КЕТРАРУ 1969: Кетрару, Н. А.: Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г. В: *Далекое прошлое Молдавии*. Ред.: Полевой, Л. Л. Кишинев 1969, 35–54.
- КИРПИЧНИКОВ 1973: Кирпичников, А. Н.: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* В: Свод археологических источников Е1–36. Ленинград 1973.

- Кирпичников 2009: Кирпичников, А. Н.: Историческое наследие Старой Ладogi. *Археологические открытия (1991–2004 гг.). Европейская Россия*. Москва 2009, 333–348.
- Кирпичников–Богуславский 2003: Кирпичников, А. Н. – Богуславский, О. И.: Историческое наследие Старой Ладogi. В: *Культурное наследие Российского государства* 4. Ред.: Кирпичников, А. Н. Санкт-Петербург 2003, 341–368.
- Ковалевская 1979: Ковалевская, В. Б.: *Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки*. В: Свод археологических источников Е1–2. Москва 1979.
- Комар 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяры в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України* 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- Комар 2015: Комар, О. В.: Новые тенденции в исследованиях археологии кочевников Юга-Восточной Европы VI–IX вв. В: *Hadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. I. Conference of Young Scholars on the Migration Period, Esztergom November 4–6, 2014*. Főszerk.: Türk A., szerk.: Balogh Cs. – Major B. Budapest–Esztergom 2015, 859–870.
- Корзухина 1946: Корзухина, Г. Ф.: О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 1946:13, 45–52.
- Корзухина 1954: Корзухина, Г. Ф.: *Русские клады IX–XIII вв.* Москва–Ленинград 1954.
- Левицкий–Хахеу–Рябцева 2000: Левицкий, О. Г. – Хахеу, В. П. – Рябцева, С. С.: Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X–XI вв. *Stratum Plus* 2000: 5, 90–118.
- Ливох 2010: Ливох, Р.: Большие курганы летописного Плеснеца. В: *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Ред. сост.: Пескова, А. А. – Щеглова, О. А. – Мусин, А. А. Санкт-Петербург 2010, 486–492.
- Лінка-Геппенер 1948: Лінка-Геппенер, Н.: Копіївський скарб. *Археологія* 1948:2, 182–190.
- Мажитов 1977: Мажитов, Н. А.: *Южный Урал в VII–XIV вв.* Москва 1977.
- Мальм–Фехнер 1967: Мальм, В. А. – Фехнер, М. В.: Привески-бубенчики. В: *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды Государственного исторического музея 43 (1967), 133–141.
- Манева 1992: Манева, Е.: *Средневековен накит од Македонија*. Скопје 1992.
- Маярчак 2006: Маярчак, С.: *Археологічні пам'ятки IX–XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я*. Кам'янець-Подільський 2006.
- Мельник 1901: Мельник, Е. Н.: Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897–1898гг. В: *Труды XI АС в Киеве* 1. Ред.: Уварова, П. С. – Слуцкий, С. С. Москва 1901, 479–576.
- Милчев 1963: Милчев, А.: Раннесредневековни български накити и кръстове енкалпиони от Северозападна България. В: *Археология година V* 3. София 1963, 22–37.
- Мурашева 2000: Мурашева, В. В.: *Древнерусские ремненные наборные украшения X–XIII вв.* Москва 2000.
- Мурашева–Рузанова 2012: Мурашева, В. В. – Рузанова, С. А.: Матрица для тиснения подвесок к серьгам «волынского» типа. В: *Образы времени из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой*. Труды Государственного исторического музея 189 (2012) 128–137.
- Новикова 1990: Новикова, Е. Ю.: О серьгах «екимауцкого» типа. В: *Проблемы археологии Евразии (по материалам Государственного исторического музея)*. Труды государственного исторического музея 74 (1990) 107–114.
- Перхавко 1986: Перхавко, В. Б.: Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днестра и Немана. В: *Краткие сообщения Института археологии* 187 (1986) 28–35.
- Петрухин 1983: Петрухин, В. Я.: Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.). В: *Древнейшие государства на территории СССР*. Ред.: Пашуто, В. Т. Москва 1983, 174–181.

- ПЛЕТНЕВ 2004: Плетнев, В.: Производство на коланни гарнитури в ранносредновековна България. *Преслав* 6 (2004) 228–240.
- ПЛЕТНЁВА 1967: Плетнёва, С. А.: *От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура*. Москва 1967.
- ПУШКИНА 1994: Пушкина, Т. А.: Новый Гнездовский клад. В: *Древнейшие государства Восточной Европы*. Ред.: Новосельцев, А. П. Москва 1994, 171–186.
- РАБИНОВИЧ 1990: Рабинович, Р. А.: К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка. В: *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Ред.: Дергачев, В. А. Кишинев 1990, 51–57.
- РАБИНОВИЧ 1991: Рабинович, Р. А.: Гончарный горн на поселении X–XII вв. у с. Рудь. В: *Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы*. Ред.: Кетрару, Н. А. Кишинев 1991, 99–109.
- РАБИНОВИЧ 1997: Рабинович, Р. А.: *Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование)*. Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Санкт-Петербург 1997.
- РАБИНОВИЧ 2018: Рабинович, Р. А.: Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. В: *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Ред.: Синика, В. С. – Рабинович, Р. А. Кишинев–Тирасполь 2018, 465–482.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 1997: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С.: Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X–XI вв. *Stratum+ Петербургский археологический вестник*. Ред.: Вахтина, М. Ю. – Виноградов, Ю. А. Санкт-Петербург–Кишинев 1997, 236–245.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 2006: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С.: Об источниках сырья для ремесленного производства на средневековом городище Екиматуцы в Молдове. В: *Тезисы конференции. Производственные центры: источники сырья, «дороги», ареал распространения*. Ред.: Савинов, Д. Г. Санкт-Петербург 2006, 117–122.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 2009: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С.: Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже*. Труды Государственного Эрмитажа 49 (2009) 292–304.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА–ТЕЛЬНОВ 2010: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С. – Тельнов, Н. П.: Итоги раскопок городища Германарие в свете исследования культуры кольцевых городищ в Молдове. В: *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* 2. Ред.: Носов, Е. Н. – Белецкий, С. В. Москва 2010, 200–214.
- РАТИЧ 1971: Ратич, О. О.: Багате поховання рубежу X–XI ст. у Судовій Вишні. В: *Середні віки на Україні* 1. Ред.: Шевченко, Ф. П. Київ 1971, 162–168.
- РЯБЦЕВА 2005: Рябцева, С. С.: *Древнерусский ювелирный убор Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург 2005.
- РЯБЦЕВА 2006: Рябцева, С. С.: Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X–XI вв. *Revista Arheologică. Serie nouă. Volumul II*. 1–2. Chişinău 2006, 143–168.
- РЯБЦЕВА 2009: Рябцева, С. С.: Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII–XI вв. *Stratum plus* 2009:5, 257–380.
- РЯБЦЕВА 2014: Рябцева, С. С.: Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X–XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. *Revista Arheologică, Serie nouă, vol. X, nr. 1–2*. Chişinău 2014, 143–167.

- РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007: Рябцева, С. С. – Рабинович, Р. А.: К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. *Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul III*. 1–2. Chişinău 2007, 195–205.
- РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014: Рябцева, С. С. – Рабинович, Р. А.: О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. В: *Русь в IX–XII вв. Общество, государство, история*. Ред.: Макаров, Н. А. – Леонтьев, А. Е. Москва–Вологда 2014, 269–279.
- РЯБЦЕВА–ТЕЛЬНОВ 2010: Рябцева, С. С. – Тельнов, Н. П.: Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX – начала XI вв. *Stratum plus* 2010:5, 285–300.
- РЯБЦЕВА–ЧОКАНУ 2009: Рябцева, С. С. – Чокану, М. М.: Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции). *Stratum plus* 2009:5, 171–198.
- СЕДОВА 1981: Седова, М. В.: *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.)*. Москва 1981.
- СЕДЫХ 2001: Седых, В. Н.: Новые данные по истории Великого Волжского пути. В: *Великий Волжский путь: материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути»*. Ред.: Хузин, Ф. Ш. Казань 2001, 173–189.
- СТАНИЛОВ 1993: Станилов, С.: Две групи старобългарски ремъчни украси от Североизточна България. *Плиска-Преслав* 6. София 1993, 152–163.
- СТАНИЛОВ 1995: Станилов, С.: Метални гарнитурни за ремъци и облекло от Дворца във Велики Преслав. *Плиска-Преслав* 7. Шумен 1995.
- СТАНЧЕВ–ЧАНГОВА–ПЕТКОВ 1961: Станчев, С. – Чангова, Й. – Петков, Х.: Некрополът в местността Стражата при Плевен. *Археология* 1961:1, 32–41.
- ТОРОПОВ 2009: Торопов, С. В.: Клады эпохи викингов и случайные находки скандинавских предметов на территории Новгородской земли: топография и состав. В: *Международная научная конференция «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность»*. Санкт-Петербург – Великий Новгород, Россия, 21–24 июля 2009. Тезисы докладов. Санкт-Петербург 2009, 58–59.
- ТОТЕВ 1976: Тотев, Т.: Базилика при Сакалова могила. *Преслав* 2. София 1976, 38–55.
- ТЮРК 2013: Тюрк, А.: От Урала до Карпат, новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров. В: *II-й Международный Мадьярский Симпозиум. 13–17 августа 2013 г. Сборник научных трудов*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова Н. О. Челябинск 2013, 231–236.
- ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ 2008: *Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв.* Ред.: Досымбаева, А. Астана 2008.
- ФЕДОРОВ 1953: Федоров, Г. Б.: Городище Екиммауцы. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 50 (1953) 104–126.
- ФЕДОРОВ–ЧЕБОТАРЕНКО–ВЕЛИКАНОВА 1984: Федоров, Г. Ф. – Чеботаренко, Г. Ф. – Великанова, М. С.: *Бранештский могильник X–XI вв.* Кишинев 1984.
- ФЕХНЕР 1967: Фехнер, М. В.: Шейные гривны. В: *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды ГИМ 43 (1967) 55–74.
- ФЕХНЕР–НЕДОШИВИНА 1987: Фехнер, М. В. – Недошивина, Н. Г.: Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря. *Советская археология* 1987:2, 70–89.
- ФОНЯКОВА 1998: Фонякова, Н. А.: Художественный стиль украшения поясов из Хазарии второй половины VIII–X вв. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 6. Симферополь 1998, 635–641.
- ХАЛИКОВА 1972: Халикова, Е. А.: Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 145–160.

- ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: Больше-Тиганский могильник. *Советская археология* 1976:2, 158–179.
- ХАЛИКОВА 1976а: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- ХЫНКУ 1965: Хынку, И. Г.: Отчет об археологических раскопках могильников Лимбарь, Кэпрэрия, Лутэрия и поселения Лимбарь-Кэпрэрия у с. Ханска Кутузовского р-на в 1964 г. В: *Архив Музея истории Молдовы инв. № 28*. Кишинев 1965.
- ХЫНКУ 1970: Хынку, И. Г.: *Лимбарь – средневековый могильник XII–XIV веков в Молдавии*. Кишинев 1970.
- ХЫНКУ 1973: Хынку, И. Г.: Кэпрэрия – памятник культуры X–XII вв. Кишинев 1973.
- ЧЕБОТАРЕНКО 1982: Чеботаренко, Г. Ф.: *Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв.* Кишинев 1982.
- ЧЕРА 2013: Чера, С. В.: К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екиматуцы. *Stratum plus* 2013:5, 197–202.
- ЧЕРНЫШЕНКО 2015: Чернышенко, Д. Ю.: Перстни «салтовского» типа в женском костюме (по материалам Тимерёвского могильника). В: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья 5*. Ред.: Кирпичников, А. Н. Санкт-Петербург 2015, 222–226
- ТОРОВИЋ-ЉУБИНКОВИЋ 1954: Торовић-Љубинковић, М.: Наушнице т.з. токајског типа. *Рад Војвођанских музеја*. 1954, 81–92.
- ЩЕРБАКОВА 2010: Щербакова, Е. Е.: Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнездове. *Российская археология* 2010:1, 82–93.
- ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ТЕЛЬНОВ 2008: Щербакова, Т. А. – Тащи, Е. Ф. – Тельнов, Н. П.: *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья*. Кишинев 2008.
- ЭРДЕЛИ 1972: Эрдели, И.: Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 128–144.
- ARBMAN 1940: Arbman, H.: *Birka I*. Uppsala 1940.
- ČAPLOVIČ 1954: Čaplovič, P.: Slovanské pohrebište v Nitre pod Zoborom. *Slovenská archeologia* 2 (1954) 5–50.
- BIKIĆ 2010: Bikić, V.: *Vizantijski nakit Srbije: modeli i nasleđe*. Београд 2010.
- CHALIKOVA–CHALIKOV 1981: Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarn an der Kama und Ural (Das Gräberfeld von Bolshie Tigani)*. Budapest 1981.
- CIUGUDEAN 2006: Ciugudean, H.: *Habitat, religie, etnicitate: descoperiri arheologice din secolele IX–XI în Transilvania: catalog de expoziție*. Alba-Iulia 2006.
- ČREMOŠNIK 1951: Čremošnik, I.: Nalazi nakita u srednjekovnoj zbirci Zemaljskog muzeja u Sarajevu. *Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu. Nova serija* VI. Sarajevo 1951, 241–270.
- CSALLÁNY 1979: Csallány, A.: Weiblicher Haarflechteschmuck und Stiefelbeschläge aus der ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* 31 (1979) 284–294.
- DEÉR 1966: Deér, J.: *Die Heilige Krone Ungarns*. Wien 1966.
- DEKAN 1979: Dekan, J.: *Wielkie Morawy. Epoka I sztuka*. Bratysława–Wrocław 1979.
- DEMO 1983: Demo, Ž.: Bjelobrdski dvodijelni privjesci u Jugoslaviji (u povodu nalaza s lokaliteta Đelekovec-Gornji Batijan). *Podravski zbornik* 83 (1983) 271–301
- DEMO 2009: Demo, Ž.: *An Early Medieval Cemetery of the Bijelo Brdo Culture: Vukovar-Lijeva Bara (10th–11th centuries)*. Zagreb 2009.
- DIACONU–VÎLCEANU 1972: Diaconu, P. – Vîlceanu, D.: *Păciiul lui Soare. Cetatea bizantină*. I. București 1972.

- DIENES 1973: Dienes I.: Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről (Beschlagverzierte landnahmezeitliche Tasche von Budapest–Farkasrét). *Folia Archaeologica* 24 (1973) 177–217.
- DIENES 1976: Dienes, I.: The Hungarians at the Time of the Conquest and Their Ancients. B: *Ancient cultures of the Uralic peoples*. Ed.: Hajdu P. Budapest 1976, 79–113.
- DIN ISTORIA 1971: *Din istoria Dobrogei 3. Bizantini, Romani si Bulgari la Dunarea de Jos*. Eds.: Barnea, I. – Stefanescu, S. București 1971.
- DINOGETIA 1967: *Dinogetia. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn I*. Ред.: Gheorghe, S. et al. București 1967.
- DOSTÁL 1966: Dostál, B.: *Slovanská Pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě*. Praha 1966.
- DRAGOTĂ 2014: Dragotă, A.: Podoabe și accesorii vestimentare din Banat, Crișana și Transilvania (secolele X–XI). B: *Interferențe etnice și culturale în milenii I a*. Eds.: Gudea, N. – Cosma, C. – Rustoiu, A. Vol. XXI. Cluj-Napoca 2014.
- DRAGOTĂ ET AL. 2010: Dragotă, A. – Gabriel, T. – Rustoiu, G. T. – Drimborean, M.: Inele realizate în tehnica filigranului și a granularii. *Apulum: Arheologie. Istorie. Etnografie* 47 (2010) 107–116.
- DUMITRIU 2001: Dumitriu, L.: *Der mittelalterliche Schmuck des unteren Donaugebietes im 11.-15. Jahrhundert*. București 2001.
- GÁLL 2013: Gáll, E.: *Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10–11. századi temetői I–II. (10th and 11th Century Burial Sites, Stray Finds and Treasures in the Transylvanian Basin, the Partium and the Banat I–II)*. Szeged–Budapest 2013.
- GALUŠKA 2013: Galuška, L.: *Hledání původu. Od avarských bronzů ke zlatu. Search for the origin. From Avar bronze items*. Brno 2013.
- GIESLER 1981: Giesler, J.: Untersuchungen zur Chronologie der Bijelo Brdo-Kultur. Ein Beitrag zur Archäologie des 10. und 11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift* 56:1 (1981) 4–167. <https://doi.org/10.1515/prhz.1981.56.1.3>
- FETTICH 1937: Fettich, N.: *Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. Budapest 1937.
- HAMPEL 1905: Hampel, J.: *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn III*. Braunschweig 1905.
- HARHOIU–GALL–LAKATOS 2009: Harhoiu, R. – Gall, E. – Lakatos, A.: *Gräberfeldsteile von Oradea-Salca Chețarie aus dem 5. und 10.–11. Jahrhundert*. *Archaeologiai Értesítő* 2009: 134/12, 217–258.
- HRUBY 1955: Hruby, V.: *Staré Mesto*. Praha 1955.
<https://doi.org/10.1556/ArchErt.134.2009.12>
- IONIȚA 2005: Ionița, A.: *Spațiul Carpatii meridionali și Dunărea inferioară secolele XI–XIII*. București 2005.
- ISTVÁNOVITS 2003: Istvánovits E.: *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékménye*. Nyíregyháza 2003.
- ЈОВАНОВИЋ 1979: Јовановић, В.: Прилог проучавању средњовековног прстења у СР Србији и СР Македонији. *Нова историјска и Археолошка истраживања средњовековног Београда и Србије*. *Годишник града Београда* 25 (1979) 67–85.
- ЈОВАНОВИЋ 1988: Јовановић, В.: Прилог проучавању Стефана Првовенчаног. In: *Студеница и византијска уметност око 1200. године. Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодњишњице сану*. Beograd 1988, 257–270.
- JURIČ 1986: Jurič, R.: *Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije*. B: *Izdanja Hrvatskog arheoloskog društva* 11:2 (1986) 245–289.
- KALOUSEK 1971: Kalousek, F.: *Břeclav-Pohansko. Velkomoravske pohřebiště u kostela*. Brno 1971.
- KISS–BARTHA 1970: Kiss, A. – Bartha, A.: Graves from the age of the Hungarian conquest at Bana. *Acta Archaeologica Hungaricae* 22 (1970) 218–260.
- KÓČKA-KRENZ 1997: Kóčka-Krenz, H.: Bizuteria średniowieczna na ziemiach polskich jako wyznacznik chronologiczny. *Archaeologia Historica Polona* 6 (1997) 69–75.
- KOROŠEC 1950: Korošec, J.: *Staroslovansko grobišče na Ptujskem Gradu*. Ljubljana 1950.
- LANGÓ–PATAY–HORVÁTH 2015: Langó, P. – Patay-Horváth, A.: Moravian continuity and the conquering Hungarians – a case study based on grape-bunch pendants. In: “*Castellum, civitas, urbs*”: *Zentren und*

- Eliten im frühmittelalterlichen Ostmitteleuropa*. Hrsg.: Orsolya Heinrich-T. – Herold, H. – Straub, P. und Vida, T. Budapest–Leipzig–Keszthely–Rahden/Westf. 2015, 367–380.
- LANGÓ–TÜRK 2003: Langó P. – Türk A.: *Honfoglalás kori női sír Szentes-Derekegyházi oldal határrészéből (A grave of a woman at Szentes-Derekegyháza from the age of the Hungarian Conquest)*. Szentes 2003.
- MASOV 1979: Masov, S.: La nécropole médiévale près du village Gradesnica, dep.de Vraca. In: *Culture et art en Bulgarie médiévale (VIII–XIV s.)*. Ред.: Angelov, D. – Changova, I. – Georgiev, G. – Ivanov, T. – Vážharova, Zh. Sofia 1979, 31–47.
- MEGAY 1963: Megay G.: A Mezözombor-bálványdombi honfoglaláskori magyar temető (Das landnahmezeitliche ungarische Gräberfeld von Mezözombor-Bálvány-domb). *A Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 3 (1963) 37–54.
- MESTERHÁZY 1991: Mesterházy, K.: Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírletekben II. (Gegenstände byzantinischen Ursprungs in den ungarischen Gräberfeldern des 10.–11. Jh. II.). *Folia Archaeologica* 42 (1991) 145–177.
- MESTERHÁZY 1994: Mesterházy, K.: Az ún. tokaji kincs revíziója. (Revision des sog. Tokajer Schatzes). *Folia Archaeologica* 43 (1994) 193–242.
- OȚA 2008: Oța, S.: *Orizonturi funerare din Banatul Istoric (secolele X–XIV)*. Alba-Iulia 2008.
- OȚA ET AL. 2006: Oța, S. – Dragotă, A. – Ducman, G.: Piese din colecțiile MNIR, provenite din descoperiri de caracter funerar din Transilvania și Crișana (secolele X–XII). *Patrimonium Apulense* V–VI (2006) 75–120.
- PETRINEC 2009: Petrinec, M.: *Groblja od 8. do 11. stoljeća na području ranosrednjovjekovne Hrvatske države*. Split 2009.
- PINTER–DRAGOĂ–ȚIPLIC 2006: Pinter, Z. K. – Dragoă, A. – Țiplic I. M.: *Piese de podoabă și vestimentație la grupurile entice din Transilvania (sec. 7–12)*. Alba Iulia 2006.
- POPESCU 1970: Popescu, M.: *Podoabe Medievale in Țările Romane*. București 1970.
- PROFANTOVÁ–KAVÁNOVÁ 2003: Profantová, N. – Kavánová, B.: *Mikulčice. Pohřebiště u 6. a 12. Kostela*. Brno 2003.
- RADIČEVIĆ–ŠPEHAR 2015: Radičević, D. – Špehar, P.: Some remarks on Hungarian Conquest Period Finds in Vojvodina. *Acta Archaeologica Carpathica* 50 (2015) 137–162.
- RADULESCU–GÁLL 2001: Radulescu, A. – Gáll, E.: Das landnahmezeitliche Gräberfeld von Temesvár (Timișoara)-Csókaerdő. *Acta Archaeologica Hungaricae* 52 (2001) 155–193.
- RÉVÉSZ 1987: Révész, L.: Liraförmige Schnallen im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* 39 (1987) 257–285.
- RÉVÉSZ 1994: Révész, L.: Mit Beschlägen geschmückte Pferdegeschirre aus den landnahmezeitlichen Frauen- und Männergräbern. *Acta Archaeologica Hungaricae* 46 (1994) 308–359.
- RÉVÉSZ 1997: Révész, L.: Ein landnahmezeitliches Frauengrab in Békéscsaba-Erzsébethely. *Acta Archaeologica Hungaricae* 49 (1997) 419–449.
- RJABCEVA 2014: Rjabceva, S.: The contact of Great Moravia with Eastern Europe. In: *Great Moravia and the beginning of Christianity*. Ed.: Kouřil, P. Brno 2014, 170–177.
- SPINEI 1994: Spinei, V.: *Moldova în secolele XI–XIV*. Chișinău 1994.
- SPINEI 1999: Spinei, V.: *Marile migrații din Estul și Sud-Estul Europei în secolele IX–XIII*. Iași 1999.
- SZÖKE 1954: Szöke, B.: Adatok a Kisalföld IX. és X. századi történetéhez (Angaben zur Geschichte der kleinen Tiefebene im 9. und 10. Jh). *Arhaeologiai Értesítő* 81 (1954) 119–139.
- TENTIUC 1996: Tentiuc, I.: *Populația din Moldova Centrală în secolele XI–XII*. Iași 1996.
- TEODOR 1968: Teodor, D.: Contribuții la cunoașterea culturii Dridu pe teritoriul Moldovei. *Studii și Cercetări de Istorie Veche* 19:2 (1968) 227–278.
- TEODOR 1978: Teodor, D.: *Teritoriul est-carpatic în veacurile V–XI*. Iași 1978.

- TEODOR 1980: Teodor, D.: Tezaurul de la Raducaneni (Iasi). *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* 31:3 (1980) 403–423.
- TEODOR 1981: Teodor, D.: *Romanitatea Carpato-Dunăreană și Bizanțul în veacurile in veacurile V–XI e.n.* Iași 1981.
- TEODOR 1985: Teodor, D.: *Autohtoni și migratori la est de Carpați în secolele VI–X e.n.* Iași 1985.
- THE ANCIENT HUNGARIANS 1996: *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue.* Eds.: Fodor, I. et al. Budapest 1996.
- VÁŇA 1954: Váňa, Z.: Maďaři a Slované ve světle archeologických nálezů X.–XII. století. *Slovenská archeologia* 2 (1954) 51–104.